

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА
„ПРОТАГОРЪ“

ПЕРЕВОДЪ

А. ДОВІАША.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, Прорѣзная ул., д. № 10.

1890.

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА

„ПРОТАГОРЪ“

ПЕРЕВОДЪ

А. ДОВІАША.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, Прорѣзная ул., д. № 10.

1890.

Дозволено цензурою. Київъ. 4 го Августа 1890 г.

Предисловіе.

Вотъ краткое содержаніе діалога „Протагоръ“. Сократъ пересказываетъ въ одномъ обществѣ бесѣду, происходившую у него съ Протагоромъ въ домѣ Аѳинянина Каллія. По сопоставленію историческихъ данныхъ, бесѣда должна быть отнесена приблизительно къ 433 г. до Р. X. (передъ начало Пелопоннискской войны), когда Сократу было около 36, а Протагору около 53 лѣтъ.

Дѣйствующія лица діалога:

1) *Лицо безъ имени*, принимавшее Сократа въ обществѣ, слушавшемъ разсказъ о его бесѣдѣ съ Протагоромъ.

2) *Каллій*, богатѣйшій Аѳинянинъ, хозяинъ дома, гдѣ происходила самая бесѣда.

3) *Протагоръ* изъ Авдиръ } знаменитѣйшіе софисты; гостятъ
4) *Продикъ* съ острова Кеоса } у Каллія и устраиваютъ въ его
5) *Иппій* изъ Илиды . . . } домѣ занятія со своими слушателями, изъ коихъ первымъ является самъ Каллій.

6) Лица безъ рѣчей:

Павсаній, одна изъ выдающихся личностей Аѳинскаго образованнаго общества . . . . .

Алавопъ, молодой человекъ лѣтъ 19, любимецъ Павсанія, впоследствии извѣстный поэтъ . . . . .

Эриксимахъ, знаменитый Аѳинскій врачъ . . . . .

Параль и *Ксанопитъ*, сыновья Перикла, и другіе Аѳиняне, а также иногородные молодые люди, находившіеся въ то время въ Аѳинахъ . . . . .

слушатели софистовъ.

7) *Сократъ*—приводитъкъ Протагору новаго ученика въ лицѣ

8) *Ипнократа*, сына богатаго и знатнаго Аѳинянина Апполлора.

9) *Алкивιάδъ*, молодой человекъ лѣтъ 19, любимецъ Сократа, извѣстный впоследствии дѣятель Пелопоннесской войны.

10) *Критій*, принадлежавшій къ кружку учениковъ Сократа, впоследствии одинъ изъ 30 тиранновъ въ Афинахъ.

11) *Привратникъ* въ домѣ Каллія.

Приходятъ, вслѣдъ за Сократомъ и Иппократомъ, въ домъ Каллія, когда софисты уже занимались съ своими учениками.

Представивъ Иппократа Протагору, великій философъ спрашиваетъ великаго софиста отъ имени своего кліента, чему можно научиться въ его школѣ. Отвѣтъ получается: *гражданской доблести*. Это даетъ поводъ къ весьма серьезной и интересной бесѣдѣ о томъ, на сколько вообще гражданская доблесть поддается изученію. Въ этой бесѣдѣ принимаютъ живѣйшее участіе и другіе софисты, которые для этой цѣли приостанавливаютъ занятія съ своими слушателями и переходятъ съ ними въ аудиторію Протагора.

Отъ подробнаго анализа діалога мы воздерживаемся; такой анализъ потребовалъ бы рѣшенія общихъ „Платоновскихъ“ вопросовъ, которые мы, такъ какъ не думаемъ останавливаться на переводѣ лишь предлагаемаго діалога, изложимъ послѣ цѣлой серіи переводовъ. Пока мы предоставляемъ читателя его собственному впечатлѣнію.

Предлагаемый діалогъ, какъ и всѣ Платоновскіе діалоги, полонъ драматизма и содержанія и читается съ увлеченіемъ. Я былъ бы счастливъ, если бы черезъ мой переводъ Платонъ могъ заинтересовать читателя не—эллиниста, хотя до нѣкоторой степени, такъ, какъ всякаго эллиниста долженъ интересовать оригиналь. У насъ, правда, существуютъ переводы Платоновскихъ діалоговъ, но все человѣческое подлежитъ постоянному исправленію и пересмотру. Подлежитъ исправленію и пересмотру, конечно, и мой переводъ, но въ какомъ смыслѣ, на это уже укажетъ снисходительный и доброжелательный рецензентъ.

Лишнихъ комментаріевъ я избѣгалъ. Необходимѣйшія реалии и замѣтки по содержанію я помѣстилъ въ самомъ сжатомъ видѣ подъ текстомъ, а грамматическій и лексикальный разборъ, который служилъ бы оправданіемъ моего, иногда не „буквальнаго“ перевода, я оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ.

Переводъ діалога.

„Ты откуда это, Сократъ? Знать, съ погони за красавцемъ Алкивіадомъ, да? Правда, не дальше, какъ третьяго дня, я его видѣлъ, и онъ мнѣ показался такимъ красивымъ мужчиною, но все же мужчиною, Сократъ, — сказать между нами, — и уже съ нѣкоторою растительностью на подбородкѣ“.

— Чтожъ такое? Ты, конечно, одобряешь Омира, а по его словамъ самый привлекательный возрастъ тотъ, когда у человѣка начинается пробиваться пушокъ на подбородкѣ, какъ теперь у Алкивіада.

„Ну да; а теперь то, теперь? Въ самомъ дѣлѣ ты отъ него? И какъ къ тебѣ относится этотъ юноша?“

— Хорошо, по моему; въ особенности сегодня онъ много за меня говорилъ, какъ истый мой союзникъ. И мы точно были сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ; только вотъ какую странность я тебѣ долженъ сообщить: свиданіе съ нимъ меня сегодня не только не интересовало, но порою я даже забывалъ о его присутствіи.

„Что же такое особенное могло случиться у васъ съ нимъ? Ужъ не встрѣтилъ ли ты кого-нибудь другого въ нашемъ городѣ покрасивѣе?“

— И далеко красивѣе.

„Что ты говоришь? — горожанина, или гостя?“

— Гостя.

„Откуда?“

— Изъ Авдирь.

„И неужели этотъ гость произвелъ на тебя своею красотою такое впечатлѣніе, что онъ показался тебѣ красивѣе сына Клінія *)?“

— Какъ же, другъ мой, не покажется болѣе красивымъ тотъ, кто болѣе мудръ?

„Ты, значить, пришелъ сюда отъ какого-нибудь мудреца, Сократъ?“

— И отъ перворазряднаго между теперешними, если ты за такого принимаешь Протагора.

„Что ты говоришь?! Протагоръ здѣсь?“

— Да, три дня уже.

„И ты, значить, сейчасъ съ нимъ видѣлся?“

— Какъ же, и много съ нимъ бесѣдовалъ.

„Такъ ты бы намъ поскорѣе рассказалъ объ этой бесѣдѣ, если тебѣ не мѣшаетъ что-нибудь. Вотъ мальчикъ **) пусть себѣ идетъ, а ты присядь тутъ“.

— Хорошо; вы мнѣ доставите удовольствіе, если будете слушать.

„Да и ты намъ, если будешь рассказывать“.

— И выйдетъ удовольствіе обоюдное. Итакъ, слушайте.

Сегодня утромъ,—было еще темно,—Иппократъ, сынъ Аполлодора и братъ Фасона, весьма сильно постучался у меня въ дверь. И какъ только ему отворили, онъ вбѣгаетъ ко мнѣ и громкимъ голосомъ говоритъ: Сократъ, спишь, или нѣтъ? А я, узнавъ его по голосу, говорю: А, это ты, Иппократъ? Что случилось?

„Ничего,—говоритъ,—кромѣ хорошаго“.

— Прекрасно—говорю.—Что же это такое? Что тебя привело сюда въ такую пору?

„Протагоръ прибылъ“—сказалъ Иппократъ и сталъ возлѣ меня.

*) Т. е. Алкивіада.

**) Рабъ, сопровождавшій Сократа.

— Да, — говорю, — еще третьяго дня; а ты только теперь узналъ?

„Нѣтъ, вчера вечеромъ“ — и въ тоже время, нащупавъ мою кровать, сѣлъ у моихъ ногъ и рассказываетъ: Да, вечеромъ, очень поздно вернувшись изъ Инои. У меня сбѣжалъ мальчикъ Сатиръ. *) Я думалъ было тебѣ сообщить, что пойду его разыскивать, но за дѣлами какъ-то выпустилъ это изъ головы. И вотъ, когда я пришелъ домой, и мы, пообѣдавъ, собирались ложиться, братъ и говоритъ мнѣ, что прибылъ Протагоръ. Я хотѣлъ тотчасъ отправиться къ тебѣ, но потомъ мнѣ повязалось, что уже очень поздно. Проснувшись, однако, я сейчасъ всталъ и, какъ видишь, прямо къ тебѣ“.

Виду я его горячность и суетливость и говорю ему: А тебѣ то чтожь? Обидѣлъ тебя, что ли, Протагоръ?

А онъ смѣется и говоритъ: Да, Сократъ, потому что онъ одинъ только мудръ, а меня таковымъ не дѣлаетъ.

„Ничего — говорю; — предложишь ему денегъ да уговоришь его, такъ онъ и тебя сдѣлаетъ мудрецомъ“.

— О если бы — говоритъ онъ — въ этомъ только было дѣло. Ты долженъ знать, что я ничего не пожалѣлъ бы изъ своихъ денегъ и готовъ прибѣгнуть даже къ друзьямъ. Да вотъ я и теперь пришелъ попросить тебя, не поговоришь ли ты съ нимъ за меня. Самъ я, во - первыхъ, слишкомъ молодъ, а потомъ даже никогда не видалъ и не слыхалъ Протагора. Я былъ еще мальчикомъ въ то время, когда онъ въ первый разъ былъ здѣсь. А вѣдь всѣ, Сократъ, отзываются объ этомъ мужѣ съ похвалою и говорятъ, что рѣчи его весьма умны. Однако, что мы медлимъ, Сократъ? Пожалуй, послѣ не застанемъ его. Онъ остановился, говорить, у Каллія, сына Иппоника. Ну, пойдемъ!

А я ему говорю: Погоди, любезнѣйшій; рано. Лучше пойдемъ сюда во дворъ и погуляемъ, пока станетъ свѣтло, а потомъ и

---

*) Рабъ Иппократа.

отправимся. Не бойся; Протагоръ, по большей части, бываетъ дома; надо полагать, мы застанемъ его.

Послѣ этого мы встали и пошли прогуляться по двору. И я, желая провѣрить силы Иппократа, пристально посмотрѣлъ на него и спрашиваю: Скажи мнѣ, Иппократъ; ты вотъ собираешься идти къ Протагору и хочешь предложить ему въ видѣ платы за себя деньги. Знаешь ли ты, къ кому идешь и кѣмъ самъ хочешь сдѣлаться? Если бы ты задумалъ идти къ своему тезкѣ Иппократу Кеосскому, изъ рода Асклипіадовъ, и хотѣлъ предложить ему за себя деньги, и если бы тебя спросили, за какія его познанія ты хочешь ему платить, ты бы что отвѣтилъ?

„Я бы отвѣтилъ,—говорить,—за познанія врачевныя“.

— Для достиженія чего?

„Врачевныхъ же познаній“.

— А если бы ты пришелъ съ предложеніемъ денегъ за себя къ Поликлиту Аргосскому или къ Фидію Аѳинскому, и если бы тебя спросили, за какія ихъ познанія ты имѣешь въ виду предложить имъ деньги, ты бы что отвѣтилъ?

„За познанія въ ваяніи“.

— А самъ ты кѣмъ имѣлъ бы тогда въ виду сдѣлаться?

„Понятно, ваятелемъ“.

— Хорошо. Теперь же я и ты, придя къ Протагору, готовы будемъ предложить за тебя плату, если для этого хватитъ нашихъ съ тобою денегъ, и мы его какъ-нибудь уговоримъ, а то и у друзей призаемъ. Намъ, конечно, при такомъ нашемъ усердіи, спросятъ: Скажите, Сократъ и Иппократъ, за какія Протагоровы познанія вы имѣете въ виду платить деньги? Какъ назвать Протагора, чтобы это соотвѣтствовало названію Фидія, какъ *ваятеля* и названію Омира, какъ *поэта*? Какое подобное названіе мы дадимъ Протагору?

„Его названіе, Сократъ, *софистъ*“.

— Стало быть, мы ему будемъ платить деньги, какъ софисту, да?

„Да“.

— Теперь тебя спросятъ еще такъ: Кѣмъ ты самъ, Иппократъ, хочешь сдѣлаться, отправляясь къ Протагору?

А онъ отвѣчаетъ, покраснѣвъ (это можно было замѣтить, потому что начало свѣтать): По аналогіи съ прежнимъ, видно, софистомъ.

„Ради боговъ,—говорю я,—тебѣ не стыдно предстать передъ Эллинами софистомъ?“

— Признаться сказать, стыдно, Сократъ.

„Въ такомъ случаѣ, Иппократъ, не ищешь ли ты, быть можетъ, въ ученіи Протагора лишь нѣчто такое, чѣмъ было для тебя ученіе у грамматиста, киеариста, педотрива *). Вѣдь ихъ науки ты усваивалъ не какъ спеціальность, которая была бы твоею профессіею, а только для своего образованія, какъ приличествуетъ человѣку, живущему для себя, и свободному?“

„Конечно,—говорить,—скорѣе такую цѣль нужно искать въ ученіи у Протагора“.

— А понимаешь ли тогда, что ты собственно намѣренъ дѣлать, или не понимаешь?

„А что?“

— А то, что ты намѣренъ ввѣрить уходъ за своею душою, какъ ты говоришь, софисту, а что такое софистъ, врядъ ли ты, думаю, знаешь. А между тѣмъ, не знать этого значить не знать, кому ты отдаешь свою душу, т. е. хорошее ли нѣчто этотъ софистъ или нехорошее.

„Нѣтъ,—говорить,—я думаю, что это я знаю“.

— Скажи, что такое, по твоему, софистъ?

„Я думаю,—говорить онъ,—какъ и самое имя показываетъ, это человѣкъ, свѣдущій въ τὰ σοφά (въ мудрыхъ дѣлахъ)“.

— Не то ли самое—говорю я—мы имѣемъ право сказать о живописцахъ и домостроителяхъ, что это люди, свѣдушіе въ τὰ σοφά. А если насъ спросятъ, къ чему относятся τὰ σοφά, въ которыхъ

*) Учителя гимнастики.

свѣдущи живописцы. то мы, вѣроятно, отвѣтимъ:—къ изготовленію картинъ и прочее въ такомъ же родѣ. А если насъ спросятъ, къ чему относится *σοφᾶ* софиста, что мы отвѣтимъ на это? Какого дѣла онъ мастеръ?

„Что же сказать о немъ, Сократъ, какъ не то, что онъ мастеръ научать людей умѣнью говорить“.

— Можетъ быть,—говорю я,—это и правда. Однако, этого еще недостаточно, потому что такой отвѣтъ вызоветъ новый вопросъ, а именно: Какому умѣнью говорить научаетъ людей софистъ? У киеариста, безъ сомнѣнія, люди тоже научаются говорить;—научаются говорить именно о томъ, въ чемъ онъ имъ передаетъ и свѣдѣнія, т. е. объ игрѣ на киеарѣ, такъ?

„Такъ“.

— Хорошо. А софистъ, о чемъ научаетъ людей говорить? Понятно, о томъ, въ чемъ онъ и свѣдущъ?

„Полагать надо“.

— Что же это такое, въ чемъ имѣетъ свѣдѣнія и самъ софистъ, и передаетъ ихъ ученику?

„Ужъ этого—говорить—я не умѣю сказать“.

— Въ такомъ случаѣ,—говорю я,—понимаешь ли ты всю опасность, какой собираешься подвергнуть свою душу? Если бы тебѣ пришлось вѣрить кому-нибудь свое тѣло, не зная при этомъ, улучшится ли оно черезъ это, или станетъ хуже, вѣдь ты много передумалъ бы, слѣдуетъ ли его вѣрять, или нѣтъ, и позвалъ бы на совѣтъ и друзей, и домашнихъ своихъ, и по цѣлымъ днямъ занимался бы этимъ вопросомъ. Но душу ты, безъ сомнѣнія, ставишь выше тѣла, такъ какъ отъ улучшения или ухудшенія ея зависитъ *все* твое благополучіе или неблагополучіе. Такъ неужели ты не посовѣтуешься ни съ отцомъ, ни съ братомъ, ни съ кѣмъ-нибудь изъ насъ друзей, слѣдуетъ ли или нѣтъ вѣрять ея этому пришлому гостю? Странно, въ самомъ дѣлѣ, что ты, прослышавши о немъ только вечеромъ, спозаранку уже прибѣгаешь, не думаешь и рѣчи заводить и совѣтоваться о надобности или ненадобности

довѣряться ему, а готовъ тратить и свои деньги, и деньги друзей, какъ будто уже безповоротно твое рѣшеніе, что нужно учиться, во что бы то ни стало, у Протагора, — у того Протагора, съ которымъ ты и незнакомъ, какъ говоришь, съ которымъ ты никогда не говорилъ, а только называешь его софистомъ, не зная при этомъ, что такое этотъ софистъ, которому ты хочешь ввѣрить себя.

Выслушавъ это, Иппократъ говоритъ: Да, судя по твоимъ словамъ, надо полагать, что мнѣ это неизвѣстно.

„И не выходитъ ли—говорю—софистъ какимъ-то купцомъ, торгующимъ товарами для питанія души? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ представляется чѣмъ-то въ родѣ этого“.

— Хорошо; такъ чѣмъ же питается душа?

„Науками, конечно. А потому и смотри, другъ мой, какъ бы насъ не обмануль софистъ, расхваливая свои товары, какъ это дѣлаютъ купецъ и лавочникъ, доставляющіе средства для питанія тѣла. Они не знаютъ сами, какой изъ доставляемыхъ ими товаровъ полезенъ для тѣла и какой вреденъ, и расхваливаютъ все, лишь бы продать; покупающіе у нихъ, въ свою очередь, тоже не умѣютъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, развѣ случится покупателемъ гимнастъ *) или врачъ. Такъ и разносящіе по городамъ науки для продажи всякому, кто ни пожелаетъ, расхваливаютъ все, что продаютъ, и тоже, вѣроятно, зачастую не знаютъ, какой изъ ихъ товаровъ полезенъ и какой вреденъ для души, равно какъ не знаютъ этого и ихъ покупатели, развѣ попадетъ къ нимъ спятъ таки ктонибудь изъ врачей души. А потому, если ты, быть можетъ, понимаешь, что полезно и что вредно для души, то безопасно тебѣ покупать науки и у Протагора, и у кого бы то ни было другого; но если этого нѣтъ, то смотри, почтеннѣйшій, какъ бы не вышло рискованной игры на счетъ самаго дорогаго для насъ, тѣмъ болѣе, что при покупкѣ наукъ гораздо больше риску, чѣмъ при покупкѣ съѣстныхъ припасовъ. Съѣстное и на-

*) Свѣдущій въ дѣлѣ физическаго воспитанія людей.

питки, купивъ у лавочника, можно отнести въ посудѣ и, прежде чѣмъ принять ихъ въ тѣло, т. е. выпить или съѣсть, можно уложить дома и посовѣтоваться съ понимающими, что слѣдуетъ ѣсть и пить, а чего нѣтъ, и сколько слѣдуетъ ѣсть и когда. При такой покупкѣ, стало быть, риску не много. Наукъ же въ посудѣ не перенесешь, а необходимо, заплативъ за науку, сколько слѣдуетъ, принять ее въ самую душу и, только принявши ее, уйти или испорченнымъ или облагодѣтельствованнымъ. Объ этомъ и слѣдуетъ подумать, и притомъ совмѣстно съ тѣми, кто постарше насъ; мы сами еще слишкомъ молоды, чтобы самимъ рѣшать такой важный вопросъ. Теперь, впрочемъ, разъ собрались, то и пойдемъ къ этому мужу и послушаемъ его, а затѣмъ поговоримъ и съ другими. Тамъ не одинъ Протагоръ; есть и Иппій Илідскій, кажется и Продикъ Кеосскій и много другихъ мудрецовъ“.

Принявъ такое рѣшеніе, мы отправились. И когда мы уже очутились передъ воротами, то, остановившись, продолжали бесѣдовать кое о чемъ, пришедшемъ въ голову на пути. Не хотѣлось бросать разговора, а хотѣлось его сперва окончить, а потомъ уже войти; а потому стали передъ воротами и бесѣдовали, пока не пришли къ соглашенію о разбираемомъ нами предметѣ. И привратникъ, какой-то евнухъ, очевидно, къ намъ прислушивался. Его, надо полагать, это множество софистовъ довело до того, что онъ негодуетъ на всякаго, кто ни приходитъ въ домъ. По крайней мѣрѣ, когда мы постучались въ ворота, онъ, пріотворивши ихъ и завидѣвъ насъ — „Охъ,“ — говоритъ, — „опять софисты! — самъ занять“ — и въ это время весьма энергично изо всей силы захлопнулъ ворота. Мы снова давай стучать; а онъ изъ-за запертыхъ воротъ говоритъ: Господа, сказано вамъ, самъ занять. — „Эхъ, братъ, — говорю я, — мы не къ Каллію идемъ, и не софисты мы, не безпокойся; намъ нужно видѣть Протагора; доложи.“ На силу этотъ человѣкъ отворилъ намъ ворота.

И вотъ, мы входимъ и видимъ: Протагоръ прохаживается по галлерей, а рядомъ съ нимъ ходятъ: съ одной стороны Каллій,

сынъ Иппоника, братъ его по матери Параль, сынъ Перикла, *) Хармидъ, сынъ Главкона, а съ другой—Ксанѳиппъ, второй сынъ Перикла, Филиппидъ, сынъ Филомона и Антимахъ изъ Менды (послѣдній слыветъ первымъ ученикомъ Протагора и изучаетъ его науку, какъ свою спеціальность, чтобы быть тоже софистомъ). Другіе, ходившіе позади и прислушивавшіеся къ бесѣдѣ, оказались „гостями“, набранными изъ разныхъ городовъ, черезъ которые Протагоръ проходитъ, очаровывая молодыхъ людей своимъ голосомъ, какъ Орфей, и они, очарованные, идутъ за этимъ голосомъ. Были, впрочемъ, нѣкоторые изъ нашихъ горожанъ въ этомъ хороводѣ. На него я смотрѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Какъ они всѣ остерегались, чтобы не очутиться впереди Протагора и не быть ему на дорогѣ! А ужъ когда повернетъ онъ самъ и его непосредственные собесѣдники, то какъ это красиво и ловко, на право и на лѣво, разступятся всѣ, прислушивающіеся къ бесѣдѣ и, повернувъ кругомъ, опять становятся позади въ высшей степени чинно.

„Видѣлъ затѣмъ и его,“ — сказалъ бы Омиръ, — Иппія Илідскаго, въ галлерей напротивъ Протагора. Иппій сидѣлъ въ креслахъ, а кругомъ него сидѣли: Эриксимахъ, сынъ Акумена, Федръ Мирринусійскій, Андронъ, сынъ Андротіона, а изъ „гостей“ его же сограждане и нѣкоторые другіе. Они разспрашивали Иппія, какъ оказалось, о природѣ и о надземныхъ сферахъ, что-то изъ звѣздовѣдѣнія; а онъ, сидя въ креслахъ, каждому изъ нихъ рѣшалъ и разъяснялъ вопросы.

Нашель и Тантала: былъ тамъ и Продикъ Кеосскій. Только онъ находился въ какихъ-то сѣняхъ, служившихъ прежде Иппоннику кладовой; теперь же, вслѣдствіе множества останавливающихся, Каллій, очистивъ и эти сѣни, приспособилъ ихъ для гостей. Продикъ еще лежалъ въ постели, окутанный одѣялами и

---

*) Жена Иппоника, разведшись съ мужемъ, впоследствии вышла за мужъ за Перикла.

мѣхами, множествомъ всего, какъ можно было замѣтить, а на ближайшихъ лавкахъ около него сидѣли: Павсаній Керамійскій, а рядомъ съ Павсаніемъ какой-то юноша, почти еще мальчикъ, съ прекрасною, думаю, душею, а по наружности весьма красивый; имя его, слышалось, какъ будто Агаеонъ, и не удивительно, если онъ любимецъ Павсанія. Итакъ, были тутъ: этотъ мальчикъ, оба Адаманта (и сынъ Клипида, и сынъ Левкофида) и нѣкоторые другіе. О чемъ шла бесѣда, я не могъ издали разслышать, хотя и было сильное желаніе послушать Продика, такъ какъ я считаю этого мужа всемудрымъ и божественнымъ; но вслѣдствіе его глухаго голоса такой гулъ стоялъ въ сѣняхъ, что нельзя было разобрать ни единого слова.

Не долго мы съ Иппократомъ простояли, какъ за нами явились Алкивіадъ,—красавецъ, какъ ты говоришь (ничего не имѣю противъ этого), и Критій, сынъ Каллесхра.

И вотъ мы вчетверомъ, подождая еще немного, чтобы рассмотреть всю эту картину, подходимъ затѣмъ къ Протагору, и я начинаю. Протагоръ мы къ тебѣ:—я и вотъ Иппократъ.

„Вы—говоритъ—хотите со мною на единѣ бесѣдовать, или, быть можетъ, въ обществѣ прочихъ?“

— Намъ—говорю—безразлично; ты выслушай, зачѣмъ мы пришли, а потомъ самъ и разсуди.

„Что же такое—говоритъ—васъ привело сюда?“

— Представляю тебѣ Иппократа, здѣшняго уроженца, сына Аполлодора, изъ знатнаго и богатаго дома. По дарованіямъ онъ не уступитъ никому изъ сверстниковъ и желаетъ стать выдающимся лицомъ въ нашемъ городѣ. Послѣдняго онъ надѣется достигнуть, поучившись у тебя. Самъ теперь разсуди, считаешь ли нужнымъ бесѣдовать съ нами объ этомъ дѣлѣ на единѣ, или при другихъ.

„Твоя предупредительность ко мнѣ, Сократъ, правильна. Чужому человѣку, путешествующему по большимъ городамъ и въ нихъ увлекающему лучшихъ изъ молодежи до того, что они, оста-

вѣвъ общество прочихъ, домашнихъ и чужихъ, старшихъ и младшихъ, примыкають къ нему, чтобы усовершенствоваться черезъ общество съ нимъ,—человѣку, дѣлающему все это, нужно быть осмотрительнымъ, потому что изъ-за этого происходитъ немалая зависть, недружелюбіе и преслѣдованіе. Я долженъ сказать, что софистика вещь давняя. Только тѣ изъ древнихъ мужей, которые ей посвятили себя, боясь этой непріятной ея стороны, прикрывались—одни поэзіею, какъ Омиръ, Исїодъ и Симонидъ, другіе объявляли себя вѣщателями и тайнослужителями (Орфейцы и Музейцы), нѣкоторые, я знаю, прикрывались и гимнастикою, какъ Иккось Тарантинскій и, теперь еще живущій, Иродикъ Силимврійскій (несомнѣнно, что Иродикъ, какъ софистъ, не уступитъ никому); затѣмъ музыкою прикрывались вашъ же Агаоокль, въ сущности великій софистъ, и Пифоклидъ Кеосскій и многіе другіе. Всѣ они, какъ я говорю, побоялись зависти, и поэзія, музыка и пр. послужили имъ, такъ сказать, плащомъ. Я съ ними со всѣми въ этомъ отношеніи расхожусь. Я думаю, что они нисколько не достигли своей цѣли; люди сильные въ своихъ городахъ, ради которыхъ собственно дѣлается эта маскировка, все равно прекрасно знаютъ, въ чемъ дѣло, а массы, хотя—говоря по просту—сами ничего не смыслятъ, однако повторяють за сильными то, что послѣдніе разглашаютъ. И если, желая укрыться, на дѣлѣ не укроешься, а еще больше обнаружишь себя, то безразсудна и самая попытка укрываться; выходитъ, что только вооружишь еще больше противъ себя людей, такъ какъ они потомъ считаютъ такого человѣка въ добавокъ ко всему еще и хитрецомъ. Я, въ виду всего этого, пошелъ дорогою совершенно противоположною имъ и говорю открыто, что я—софистъ и занимаюсь воспитаніемъ людей. Последнее я считаю болѣе правильною мѣрою предосторожности, чѣмъ первое: благоразумнѣе, по моему, открыто говорить, чѣмъ заператься. Впрочемъ, я принялъ еще другія мѣры, и мнѣ—въ добрый часъ сказать—не приходится испытывать ничего особеннаго изъ-за того, что я объявляю себя софистомъ. И я занимаюсь

софистиною уже много лѣтъ, какъ ихъ вообще у меня не мало за плечами: сколько васъ здѣсь, нѣтъ ни одного, кому я не годился бы въ отцы. Для меня, поэтому гораздо пріятнѣе разсуждать о вашемъ дѣлѣ, если угодно, при всѣхъ, кто въ домѣ“.

Вижу я, Протагору ужъ очень хочется порисоваться предъ Продикомъ и Иппіемъ, что мы пришли именно ему поклониться, и говорю: Въ такомъ случаѣ пригласить бы намъ поскорѣе Продика съ Иппіемъ и со всѣми окружающими ихъ, чтобы и они послушали.

„Очень хорошо“ — говоритъ Протагоръ.

— Не угодно ли вамъ тогда—говоритъ Каллій—устроить синаедриі *), гдѣ можно было бы сѣсть и бесѣдовать.

Такъ и рѣшили. И мы всѣ, довольные, что услышимъ мудрецовъ, сами взялись за лавки и пристроились всѣ къ Иппію, такъ какъ тамъ и раньше уже было нѣсколько скамеекъ. Въ это время Критій и Алкивіадъ ведутъ Продика, поднявъ его съ лавки, а за ними идутъ его слушатели.

Когда всѣ усѣлись, Протагоръ началъ: Теперь, когда и они здѣсь, ты бы изложилъ намъ, Сократъ, то, о чемъ только что упоминалъ по дѣлу этого молодаго человѣка.

Я тогда сказалъ: Начало, Протагоръ, то же, что и раньше, когда я обращался къ тебѣ одному по дѣлу, приведенному насъ сюда. Иппократъ имѣетъ желаніе учиться у тебя. Теперь хотѣлось бы ему услышать отъ тебя, что выйдетъ для него изъ этого ученія. Вотъ и вся наша рѣчь.

На это Протагоръ съ живостью говоритъ: Молодой человѣкъ! Вотъ что выйдетъ изъ тебя, если ты будешь въ моемъ обществѣ: въ тотъ день, когда ты побудешь со мною, ты станешь лучше, въ слѣдующій день еще лучше, и каждый вообще день это улучшеніе будетъ идти все дальше и дальше.

---

*) Мѣста, гдѣ могло бы усѣсться большое собраніе, чтобы слушать бесѣду и участвовать въ ней.

Такъ отвѣтилъ намъ Протагоръ, и я сказалъ: Понятны мнѣ, Протагоръ, твои слова. И ты, хотя и пожилой человѣкъ и весьма мудрый, тоже, конечно, „сталъ бы лучше“, если бы тебя пришлось учить чему-нибудь, чего ты до сихъ поръ, быть можетъ, не знаешь. Но не въ этомъ дѣло. Положимъ, Иппократъ вдругъ теперь переимѣнитъ свое желаніе и захочетъ поучиться у молодаго человѣка, что недавно прибылъ сюда, Зевксиппа Ираклійскаго. И вотъ онъ, прійдя къ Зевксиппу, какъ теперь къ тебѣ, услышитъ отъ него то же самое, что теперь слышитъ отъ тебя, то есть, что съ каждымъ днемъ отъ ученія у него онъ „будетъ дѣлаться лучшимъ и лучшимъ“. И если бы затѣмъ поставленъ былъ вопросъ, въ чемъ обѣщаетъ онъ „сдѣлать Иппократа лучшимъ“, то Зевксиппъ отвѣтилъ бы: въ живописи. Точно также, если бы Иппократъ, повидавшись съ Ореагоромъ Оиванскимъ и услыхавши отъ него то же, что отъ тебя, спросилъ бы его, въ чемъ онъ „улучшится“ отъ занятій съ нимъ,—тотъ отвѣтитъ: въ игрѣ на флейтѣ. Такъ и теперь, этому молодому человѣку и мнѣ, обращающемуся къ тебѣ отъ его имени, хотѣлось бы услышать такую вещь: *Иппократъ, бывая въ обществѣ Протагора, въ тотъ день, когда побудетъ съ нимъ, станетъ лучше, и въ слѣдующіе затѣмъ дни это улучшение будетъ идти все дальше и дальше*—улучшеніе въ какой области, Протагоръ, и само оно въ чемъ будетъ состоять?

Протагоръ, выслушавъ мои слова, сказалъ: И вопросъ твой прекрасенъ, и отвѣтъ на прекрасный вопросъ я даю съ удовольствіемъ. Иппократъ, ходя ко мнѣ, не будетъ подвергаться тому, чему подвергался бы въ обществѣ другихъ софистовъ. Другіе не такъ относятся къ мододежи. Послѣ того, какъ она разъ уже освободилась отъ школьныхъ предметовъ, они ее снова, противъ ея желанія, заваливаютъ такими же предметами и обучаютъ ее логикѣ *), астрономіи, геометріи, музыкѣ (въ это время онъ по-

---

*) Наука объ отношеніи чиселъ.

смотрѣль на Иппія), занимаясь же со мною, онъ будетъ изучать дѣйствительно то, ради чего онъ пришелъ. Эта наука есть благо-разуміе какъ въ домашнихъ вопросахъ, чтобы какъ можно лучше распорядиться въ своемъ собственномъ домѣ, такъ и въ обществен-ныхъ, чтобы и тутъ быть какъ можно сильнѣе въ дѣлѣ и словѣ.

„Такъ ли я—говорю—понимаю? Повидимому, ты говоришь о гражданственности и обѣщаешь воспитать людей хорошими гражданами?“

— Это самое и есть предметъ моего ученія.

„Да,—говорю,—если ты этимъ предметомъ владѣешь, то ты овладѣль дѣйствительно прекраснымъ предметомъ. Я, надобно тебѣ сказать, буду говорить съ тобою о дѣлѣ такъ, какъ самъ о немъ думаю. Я полагалъ, Протагоръ, что твоему предмету научить нельзя. Но, конечно, разъ ты утверждаешь другое, я не могу тебѣ не повѣрить. Почему я такъ полагалъ, почему я считалъ это дѣло не такимъ, чтобы люди могли его преподавать людямъ,—я позволю себѣ разъяснить. Я, какъ и прочіе Эллины нахожу Аѳинянь людьми умными. И вотъ, я вижу, когда они соберутся на вѣче, и общинѣ нужно заняться вопросомъ по домостроительной части, они по дѣлу построекъ приглашаютъ въ качествѣ совѣтниковъ только домостроителей, а когда по кораблестроительной части, то—кораблестроителей. Такъ они поступаютъ и во всемъ прочемъ, чему, по ихъ мнѣнію, можно учить и учиться. А если въ такихъ случаяхъ набивается къ нимъ въ совѣтники ктонибудь другой, кого они не считаютъ специалистомъ, то какъ бы онъ ни былъ богатъ, красивъ и знатенъ, они не станутъ его слушать, а осмѣютъ и поднимутъ шумъ, пока онъ самъ подъ давленіемъ этого шума не сойдетъ съ ораторскаго мѣста, или пританы *) не распорядятся объ удаленіи его токсотами **). Вотъ

*) Предсѣдательствующіе въ гражданскомъ вѣчѣ.

***) Родъ ихъ въ собраніяхъ соответствуетъ роли нашихъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ въ подобныхъ случаяхъ, и они принадлежали къ сословію рабовъ.

какъ поступаютъ Аѳиняне въ такихъ дѣлахъ, для которыхъ, они видятъ, существуютъ особыя спеціальности. При разборѣ же вопросовъ, какъ распорядиться общиною въ собственномъ смыслѣ, въ качествѣ совѣтника поднимается у нихъ одинаково плотникъ, одинаково мѣдникъ, сапожникъ, купецъ и морякъ, богатъ и бѣднякъ, знатный и незнатный, и никто не волнуется, какъ волновался раньше, что люди, нигдѣ и ни у кого не учившись, берутся совѣтовать;— не волнуются потому, что распорядительность въ управленіи общиною они не считаютъ предметомъ ученія. И не думай, что такъ относится къ дѣлу только община; и у отдѣльныхъ личностей мы замѣчаемъ, что мудрѣйшіе и лучшіе у насъ люди отказываются передать другимъ ту доблесть, какою сами обладаютъ. Примѣръ тебѣ Перикль, отецъ вотъ этихъ молодыхъ людей: на что есть учителя, въ томъ онъ далъ имъ прекрасное образованіе, а *доблести*, какою онъ прославился, и самъ ихъ не обучаетъ, и другимъ обучать не отдаетъ; и бродятъ они, какъ бродить по подножному корму пущенный на волю конь, авось гдѣнибудь сами собой набредутъ на эту доблесть. Затѣмъ, не угодно ли другой еще примѣръ: тотъ же самый Перикль, опекунъ Клинія, младшаго брата присутствующаго здѣсь Алкивіада, изъ боязни, какъ бы Алкивіадъ не испортилъ брата, удалилъ послѣдняго отъ Алкивіада и отдалъ на воспитаніе Арифону; но не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ Арифронъ, не зная, что съ нимъ дѣлать, возвратилъ его опять Периклу. Можно бы указать тебѣ и на многихъ другихъ мужей, которые, сами будучи доблестными, никого никогда не сдѣлали „лучшимъ“ ни изъ своихъ, ни изъ чужихъ. Въ виду такихъ явленій, я, Протагоръ, не считалъ доблесть предметомъ ученія. Разъ же слышу отъ тебя противоположное, готовъ отказаться отъ своего мнѣнія и думаю, что дѣло говоришь ты, а не я;—думаю такъ потому, что ты во многомъ опытенъ, многому научился у другихъ и многое открылъ самъ. А если есть средства разяснить намъ, что доблести научать можно, не пожалѣй ихъ и разясни“.

— Конечно, Сократъ, не пожалѣю; но вотъ что: уяснить ли вамъ это, какъ старшій младшимъ, посредствомъ мѣна или посредствомъ разсужденія?

Тутъ многіе изъ присутствовавшихъ подхватили, чтобы онъ разъяснялъ, какъ ему угодно.

„Въ такомъ случаѣ,—говорить онъ,—я нахожу болѣе удобнымъ разсказать вамъ мѣно.“

„Было время, когда существовали одни боги, а смертной твари не было. Наступаетъ предопредѣленный день и для ея появленія. Боги творятъ ее въ нѣдрахъ земли, изъ земли, огня и другихъ веществъ, содержащихъ въ себѣ названныя стихіи. Предъ появленіемъ сотвореннаго на свѣтъ, приказано было Проміею и Эпиміею снарядить и надѣлать способностями каждый отдѣльный родъ, какъ подобаетъ. Эпиміею упрашиваетъ Проміея представить ему это дѣло; „а когда кончу“,—говорить онъ,—тогда приходи посмотрѣть. Получивъ на это согласіе, Эпиміею производятъ распредѣленіе способностей. Однимъ животнымъ онъ прививаетъ силу безъ быстроты, а болѣе слабымъ надѣляетъ быстротою; иныхъ вооружаетъ когтями и пр., а иныхъ оставляетъ безоружными и придумываетъ какую нибудь другую способность для самозащиты: получившимъ отъ него малый ростъ дается возможность или улетать въ воздухъ, или прятаться подъ землю, а для одаренныхъ большимъ ростомъ самый ростъ служить средствомъ обороны. Такъ онъ уравновѣсилъ и все прочее, и все это сдѣлано было изъ предусмотрительности, чтобы какой—нибудь родъ не перевелся. Оградивъ всѣ роды отъ взаимнаго истребленія, онъ изыскиваетъ мѣры для защиты отъ Зевесовыхъ временъ *) и окутываетъ ихъ въ густую шерсть и плотную кожу, чтобы это могло уберечь отъ холода и зноя и служило собственно, самородною постелью каждому изъ нихъ, когда они ложатся; подъ ноги придѣлываетъ однимъ копыта, а другимъ ступни толстыя, нечув-

---

*) Времена года, погода.

ствительныя. Затѣмъ и кормъ даетъ однимъ такой, другимъ иной: однимъ — траву съ земли, другимъ — плоды съ деревьевъ, третьимъ — корневья растенія; нѣкоторымъ предоставляетъ для пропитанія пожирать другихъ животныхъ и такимъ прививаетъ слабую, — а пожираемымъ первыми — сильную плодовитость, вполнѣ обезпечивающую ихъ родъ отъ уничтоженія. Но такъ какъ Эпимеей былъ не вполнѣ мудръ, то и не замѣтилъ, какъ израсходовалъ всѣ способности, а между тѣмъ оставался ненадѣленнымъ родъ человѣческой. Эпимеей недоумѣвалъ, какъ ему поступить. Въ этомъ затрудненіи засталъ его Промеей, пришедшій осмотрѣть его работу. Видитъ онъ, что всѣ животныя снабжены всѣмъ, какъ слѣдуетъ, человѣкъ же — голъ, не обутъ, не одѣтъ, не вооруженъ, а время, когда предопредѣлено было и его вывести на свѣтъ, уже близко. Промеей, самъ оказавшись безсильнымъ помочь человѣку, рѣшается на похищеніе и беретъ для него у Ифеста и Аѳины знаніе ремесель и искусствъ — вмѣстѣ съ огнемъ, такъ какъ безъ огня никому нельзя усвоить это знаніе и примѣнить его къ дѣлу; гражданской же мудрости онъ для человѣка добиться не могъ, такъ какъ эта мудрость была у Зевеса, а войти въ акрополь, гдѣ обитаетъ самъ Зевесъ, для Промея было дѣломъ неподходящимъ, тѣмъ болѣе, что стражи у Зевеса страшныя; только въ мастерскую Ифеста и Аѳины онъ могъ войти незамѣченнымъ и, похитивъ у Ифеста умѣнье обрабатывать металлы, а у Аѳины другія ремесла и искусства, подарилъ ихъ человѣческому роду. Благодаря этому, человѣкъ былъ обезпеченъ отъ недостатка въ жизненныхъ средствахъ, Промея же впоследствии, какъ говоритъ мифъ, за похищеніе постигла кара.

„Разъ человѣкъ сталъ причастнымъ тому, что раньше составляло принадлежность однихъ боговъ, онъ, прежде всего, какъ единственное изъ живыхъ существъ, достигшее сближенія съ ними, сталъ почитать ихъ и воздвигать имъ жертвенники и кумиры. Затѣмъ вскорѣ, благодаря полученному отъ Промея „умѣнью“, расчленилъ звукъ и создалъ слово и добылъ себѣ жилище, одежду,

обувь, постель и хлѣбъ изъ земли. Устроившись такъ, люди сначала жили разбѣянными по землѣ, и общинъ у нихъ не было. Вслѣдствіе этого они погибали отъ звѣрей, такъ какъ всегда оказывались слабѣ послѣднихъ: ремесла и искусства дали имъ возможность содержать себя, но для борьбы со звѣрями они были недостаточны; а *гражданскаго* „умѣнія“, въ которое входитъ и *военное* искусство, у нихъ вовсе не было. Стали они искать сплоченія и думали предотвратить свою гибель черезъ основаніе общинъ. Но лишь только удавалось имъ собраться вмѣстѣ, сейчасъ, какъ не обладающіе гражданскимъ „умѣніемъ“, они начинали обижать другъ друга и—опять расходились и гибли снова. Тогда Зевесъ, боясь за нашъ родъ, посылаетъ къ людямъ Ермія съ *совѣстливостью* и *правомъ*, какъ источникомъ строя и устоя общинъ и оплотомъ содружества людей. Ермія спрашиваетъ Зевеса, какъ ему поступить при передачѣ людямъ совѣстливости и права. „Тѣмъ ли самымъ способомъ я долженъ распредѣлить совѣстливость и право, какъ уже распредѣлены искусства и ремесла? Распредѣленіе послѣднихъ таково, что одинъ напр. врачъ приходится на нѣсколькихъ не—врачей и т. д. Итакъ, этимъ ли порядкомъ вложить мнѣ въ людей и совѣстливость и право или надѣлать этимъ даромъ всѣхъ?—„Всѣхъ,—говоритъ Зевесъ,—и всѣ да воспримутъ его; несостоятельна будетъ община, если онъ будетъ воспринятъ только нѣкоторыми, какъ это сдѣлано съ искусствами и ремеслами. И положи отъ меня законъ, кто окажется не въ состояніи воспринять совѣстливость и право, того казнить, какъ язву общины“.

„Согласно съ этимъ, Сократъ, и изъ за этого, какъ всѣ люди, такъ и Аѳиняне, когда рѣчь идетъ о строительномъ искусствѣ или другомъ какомъ ремеслѣ, только нѣкоторыхъ считаютъ способными принимать участіе въ совѣщаніяхъ и не терпятъ, какъ говоришь ты (и совершенно справедливо—добавлю я),—не терпятъ вмѣшательства кого бы то ни было, не находящагося въ числѣ этихъ немногихъ. Но когда въ совѣщаніяхъ требуется выказать *гражданскую* доблесть, которая вся и заключается въ

уваженія права и благоразуміи, то вполнѣ естественно выслушивать всякаго въ виду того, что само существованіе общины предполагаетъ эту доблесть воспринятою всеми безъ исключенія;— только этимъ, Сократъ, можно объяснить указанное тобою явленіе.

„А что я тебя не обманываю, и что, дѣйствительно, всѣхъ мы привыкли считать до извѣстной степени проникнутыми чувствомъ уваженія къ праву и, вообще, граждански доблестными, опять таки можно провѣрить вотъ на чемъ. Когда, какъ ты говоришь, дѣло идетъ о другихъ достоинствахъ, то, скажи кто нибудь, что онъ умѣетъ хорошо играть на флейтѣ напр. или искусенъ въ чемъ нибудь другомъ, чего на самомъ дѣлѣ не знаетъ, сейчасъ или смѣются надъ нимъ, или возмущаются, и домашніе приходятъ и вразумляютъ его, какъ человѣка безразсуднаго. Не то мы видимъ по отношенію къ уваженію права и, вообще, гражданской доблести. Если въ комъ люди замѣтятъ неуваженіе права и преступность, и онъ самъ въ этомъ признается передъ другими, то они не считаютъ это признаніе благоразуміемъ, какъ считали бы въ вышеприведенныхъ случаяхъ, а, напротивъ, безразсудствомъ. Они утверждаютъ, что всякому нужно говорить про себя, что онъ не преступенъ, будетъ ли онъ таковымъ или нѣтъ,—и безумно признавать себя преступнымъ: *необходимость* де такова, что каждый человѣкъ, по скольку онъ *есть* членъ человѣческаго общества, въ той или другой степени, но непременно долженъ *быть* не преступнымъ.

„Я говорилъ до сихъ поръ, что принимать въ совѣтники всякаго, когда дѣло идетъ о гражданской доблести, естественно и объясняется тѣмъ взглядомъ, что эта доблесть присуща каждому. Теперь я постараюсь доказать, что люди смотрятъ на эту доблесть, не какъ на развивающуюся отъ природы и безъ посторонняго воздѣйствія, а какъ на подлежащую ученію и достигающуюся путемъ труда. Въ самомъ дѣлѣ, на что смотрятъ, какъ на зло, появляющееся у людей или отъ природы, или по судьбѣ, за то никто не возмущается, не дѣлаетъ выговоровъ и наставленій

и не думаетъ искоренять такое зло у подверженныхъ ему людей наказаніями, а только выказываетъ состраданіе. Кто, напримѣръ, на столько неразуменъ, чтобы позволить себѣ что либо подобное съ некрасивыми или малыми ростомъ или слабыми физически? Всякій, очевидно, такъ и рассуждаетъ, что все, относящееся къ красотѣ, а равно и противоположныя ей недостатки, человѣкъ получаетъ отъ природы и отъ судьбы. Совсѣмъ иначе мы поступаемъ, когда, по нашему мнѣнію, какое нибудь хорошее качество подлежитъ усвоенію черезъ стараніе, работу надъ собой и обученіе. Люди, не имѣющіе этого хорошаго качества, а обнаруживающіе противоположный ему порокъ, должны переносить отъ другихъ и гнѣвъ, и выговоры, и наказанія. Къ числу такихъ пороковъ принадлежитъ и *преступность* и *грѣховность*—словомъ все, что противоположно гражданской доблести. Тутъ ужъ всякій готовъ и возмущаться, и дѣлать выговоры другимъ, руководясь, очевидно, тѣмъ, что гражданскую доблесть можно пріобрѣсть, было бы только стараніе и ученіе. Стоитъ обратить вниманіе на весь смыслъ наказаній преступниковъ, Сократъ, и тебѣ ясно станетъ, что, дѣйствительно, люди смотрятъ на доблесть, какъ на дѣло, къ которому надо готовить и готовиться. Никто не наказываетъ преступника въ виду того, или изъ-за того, что онъ совершилъ преступленіе, развѣ если кто мститъ безотчетно, какъ звѣрь. Но кто, наказывая, отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ поступкѣ, тотъ наказываетъ не за совершенное преступленіе (сдѣланнаго не измѣнишь), а ради будущаго, чтобы второй разъ не случилось того же самаго ни съ самимъ наказываемымъ, ни со свидѣтелемъ наказанія. Рассчитывать на это значить видѣть въ доблести нѣчто, поддающееся въ людяхъ воспитанію, а само наказаніе имѣетъ силу предостереженія. Такой взглядъ на дѣло имѣютъ всѣ наказывающіе, наказываютъ ли они по личнымъ дѣламъ или какъ представители общины; а преслѣдуютъ и наказываютъ преступниковъ во всемъ мірѣ, Сократъ, и не въ меньшей мѣрѣ у Аѳинянъ, твоихъ согражданъ. На этомъ основаніи и Аѳиняне при-

надлежать къ числу признающихъ доблесть за нѣчто такое, что можно изучать, и чему можно обучать. Итакъ, Сократъ, достаточно, мнѣ кажется, разъяснено, во-первыхъ, что твой согражданинъ имѣютъ основаніе выслушивать и сапожника, и мѣдника, когда послѣдніе даютъ совѣтъ по обще-гражданскимъ дѣламъ, и, во-вторыхъ, что они смотрятъ на доблесть, какъ на дѣло изученія и обученія.

„Остается еще рассмотретьъ твое недоумѣніе касательно доблестныхъ мужей, отчего они научаютъ своихъ дѣтей всему, на что есть учителя, а въ доблести, сами ею прославившись, не дѣлаютъ ихъ лучшими любого члена общины. Это я тебѣ, Сократъ, разъясню не посредствомъ мѣта, а посредствомъ разсужденія. Ты разбери: существуетъ или не существуетъ нѣчто одно, что необходимо нужно предполагать воспринятымъ людьми, разъ они живутъ общинами. Въ этомъ только, а не въ чемъ иномъ, ты найдешь разрѣшеніе своего недоумѣнія. Мы видѣли, что это одно, дѣйствительно, существуетъ. Это одно есть не умѣнье плотника или мѣдника или гончара; это одно есть *непреступность*, — какъ противоположность преступности — *неуръховность*, — какъ противоположность грѣховности, — и благоразуміе — словомъ то, что, по моему, составляетъ нѣчто единое и называется вообще *доблестью*; это одно есть то, что должно быть присуще *всѣмъ* людямъ, чѣмъ должно сопровождаться *всякое* ихъ начинаніе, и безъ чего не слѣдуетъ предпринимать ни *одного* дѣла; это одно есть то, за неусвоеніе чего слѣдуетъ не только наказывать и наставлять всякаго (дѣтя ли, мужчину ли, женщину), пока наказаніе его не исправитъ, но даже изгонять изъ общины и казнить, если наказанія и наставленія его не образумили. Разъ это такъ, то подумай, не чудачки ли были бы доблестные люди въ томъ случаѣ, если бы они другому всему старались научить дѣтей, а этому нѣтъ? Мы уже разъяснили, что на доблесть всякій смотритъ какъ на дѣло, подлежащее во *всѣхъ* насъ воспитанію какъ дома, такъ и въ общинѣ.

А разъ доблесть *мыслима* какъ предметъ ученія и воспитанія, то неужели люди будутъ заботиться объ успѣхахъ дѣтей во всемъ другомъ, за незнаніе чего не казнятъ, а тамъ, гдѣ дѣтямъ, не получившимъ хорошаго направленія, угрожаютъ казни, ссылки, конфискаціи имущества, разореніе семействъ, тамъ они не приложатъ всего старанія, чтобъ успѣхъ достигнуть былъ какъ можно лучшей? Полагать надо, приложить. Начиная съ малыхъ лѣтъ и до послѣднихъ дней своей жизни люди тутъ учатся и получаютъ наставленія. Какъ только дѣти начинаютъ понимать рѣчь, сейчасъ и няня, и мать, и педагогъ *), и самъ отецъ изъ силъ выбиваются, чтобы ребенокъ совершенствовался, при каждомъ поступкѣ и словѣ научая и наставляя его, что то преступно, а это преступно; это прекрасно, а то нехорошо; тутъ нѣтъ грѣха, а тамъ есть; такъ поступай, а этакъ не поступай. И хорошо, если ребенокъ слушается; въ противномъ случаѣ его, какъ криворастущее дерево, „выпрямляютъ“ угрозами и розгами. Затѣмъ, отдавая его въ училище, отецъ гораздо больше упрощаетъ учителей заботиться о добропорядочности ученика, чѣмъ о грамотѣ и игрѣ на киеарѣ. И учителя, дѣйствительно, слѣдятъ за этимъ и кромѣ того, лишь только дѣти изучать азбуку и начнутъ понимать книгу такъ, какъ прежде устную рѣчь, сейчасъ сажаютъ ихъ за чтеніе и заучиваніе наизусть произведеній хорошихъ поэтовъ, полныхъ наставленій, рассказовъ, хвалебныхъ рѣчей и пѣсенъ о древнихъ доблестныхъ мужахъ, чтобы ученикъ почувствовалъ рвеніе подражать имъ и тоже стремился къ доблести. Также и киеаристы **). Они слѣдятъ прежде всего за тѣмъ, чтобы молодежь вела себя благоразумно, и чтобы въ ея поступкахъ не было плутовства; а какъ научатъ ее играть на киеарѣ, сейчасъ начинаютъ разучивать съ нею сочиненія, конечно, другихъ уже поэтовъ, именно лириковъ (перекладывая ихъ на ноты), заста-

*) Рабъ, приставившійся къ дѣтямъ для надзора за ними.

***) Учителя, давашіе дѣтямъ обще-музыкальное образованіе.

вляють учениковъ осваиваться съ ритмомъ и гармонією, смягчая черезъ это ихъ темпераментъ, и чрезъ привитіе имъ ритма и гармоніи, этого, такъ сказать, лада и склада, дѣлають ихъ пригодными для слова и дѣла, такъ какъ этотъ ладъ и складъ требуется во всей дѣятельности человѣка. Вдобавокъ, дѣти посылаются къ педотриву, чтобы тѣло ихъ, развиваясь у него физически, стало пригоднымъ слугою пригодной мысли, и чтобы не приходилось за негодностью тѣла отказываться отъ войнъ и другихъ дѣлъ. И кто больше можетъ дѣлать въ этомъ отношеніи, тотъ больше и дѣлаетъ; а больше могутъ дѣлать болѣе богатые. Ихъ именно дѣти, раньше всѣхъ начиная ходить въ школу, позже всѣхъ ее оставляють. По окончаніи же школьнаго ученія опять община заставляеть насъ учить *законы* и жить по *ихъ* указанію, а не по своей волѣ, какъ попало. Какъ грамматистъ даетъ въ руки ученикамъ, не бойкимъ еще въ письмѣ, разграфленную доску и заставляеть ихъ писать по наводнымъ линіямъ, такъ и община, указавъ законы, изобрѣтеніе древнихъ доблестныхъ мужей, по нимъ заставляеть всякаго и управлять, и подчиняться другимъ. А кто выйдетъ за предѣлы этихъ законовъ, того она привлекаетъ къ отвѣтственности. И такъ какъ судъ въ данномъ случаѣ „провѣряетъ“ дѣйствія отвѣтственныхъ передъ нимъ, то и называется самое это дѣяніе „провѣркою“. И при такой заботѣ о доблести какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны общины, ты, Сократъ, удивляешься и недоумѣваешь, есть ли доблесть дѣло ученія? Не этому, Сократъ, нужно удивляться; гораздо удивительнѣе было бы обратное.

„Какъ же теперь объяснить, что у доблестныхъ отцовъ часто сыновья бываютъ дурными? Это явленіе опять таки, пойми, не должно насъ удивлять, если вѣрно то, что существованіе общины зиждется, какъ я выше говорилъ, на воспріимчивости къ доблести всѣхъ безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, если только что сказанное правильно, — а оно непременно правильно, — то провѣрь нашъ вопросъ на какомъ-нибудь другомъ предметѣ ученія. Представимъ себѣ дѣло такъ: Община, положимъ, будетъ

возможна только подѣ тѣмъ условіемъ, что всѣ мы будемъ флейтистами,—на столько, на сколько каждый въ состояніи изучить этотъ инструментъ. Тогда, конечно, и каждый въ отдѣльности, и вся община будетъ укоризненно относиться къ тому, кто нехорошо играетъ, и мы не будемъ дорожиться нашимъ пониманіемъ игры, какъ и теперь никто не дорожится наставленіями о преступномъ и законномъ, не въ примѣръ другимъ своимъ познаніямъ. Теперь всѣмъ намъ на пользу взаимная непроступность и доблесть, а потому каждый готовъ наставлять и научать другого непроступному и законному. А разъ мы обнаружимъ въ такой же степени всю готовность обучать другъ друга игрѣ на флейтѣ, то неужели, Сократъ, по твоему, у сыновей хорошихъ флейтистовъ будетъ больше шансовъ для совершенствованія въ игрѣ на флейтѣ, чѣмъ у сыновей дурныхъ флейтистовъ? Не думаю; но чей сынъ по своимъ дарованіямъ больше расположенъ къ игрѣ на флейтѣ, тотъ и выдвинется, а чей меньше, тотъ и останется въ тѣни. И часто у хорошихъ флейтистовъ сыновья будутъ играть плохо и, на оборотъ, у плохихъ — хорошо. При всемъ томъ, однако, флейтистами будутъ всѣ на столько, на сколько это нужно, чтобы называться флейтистомъ въ сравненіи съ людьми, совершенно не занимающимися игрою на флейтѣ и не смыслящими въ ней ничего. Точно также и теперь, повѣрь, тотъ, кто среди воспитанныхъ людьми и законами кажется весьма преступнымъ, все же будетъ непроступнымъ и тоже своего рода знатокомъ дѣла въ сравненіи съ людьми, у которыхъ нельзя бы предположить ни воспитанія, ни судилищъ, ни законовъ, ни вообще необходимости изъ всѣхъ силъ заботиться о доблести, а которые жили бы, какъ тѣ дикари, что въ прошломъ году поставилъ на сцену въ Линійскій праздникъ *) поэтъ Ферекратъ. Въ самомъ дѣлѣ, очутившись между такими субъектами, какъ тѣ нелюдими въ хорѣ упомянутой комедіи, ты былъ бы радъ, встрѣтись тамъ съ Евриватомъ и Фринондомъ**), и за-

*) Зимній праздникъ въ честь Вааха.

***) Имена извѣстныхъ злодѣевъ, сдѣлавшіяся нарицательными.

тосковалъ бы даже по порочности здѣшнихъ людей. Теперь ты, Сократъ, избалованъ, потому что *есть* мы—учителя доблести,— и вотъ ты учителя ни въ комъ и не признаешь; все равно какъ не признавалъ бы учителя ни въ комъ, если бы тебя спросили, кто собственно учить насъ говорить по эллински. Даже, если бы сыновьямъ ремесленниковъ ты сталъ искать учителя для того ремесла, которое успѣли уже преподавать имъ и отецъ, на сколько могъ, и всѣ его друзья—собратья по ремеслу, тоже, я думаю, Сократъ, указать учителя, способнаго *продолжать* ихъ ученіе, будетъ не легко,—въ такой же степени не легко, въ какой это, съ другой стороны, было бы легко, если бы они совсѣмъ не знали своего ремесла. Точно такъ же дѣло обстоитъ и на счетъ доблести и многого другого. А потому, если кто хоть немного выдается, какъ руководитель въ доблести, то нужно и тѣмъ быть довольнымъ. Однимъ изъ такихъ руководителей я считаю себя и думаю, что я больше другихъ могу быть полезенъ при усвоеніи всего прекраснаго и благаго. И мое ученіе стѣбитъ того денежнаго вознагражденія, которое я получаю, и даже большаго, какъ это можетъ понять и самъ учащійся. По этому я и способъ взиманія себѣ денегъ устроилъ такъ: по окончаніи ученія, если ученикъ хочетъ, то и платитъ назначенную мною сумму; въ противномъ случаѣ, онъ идетъ въ храмъ и, показавъ клятвенно, во сколько онъ цѣнить мою науку, платитъ по этой оцѣнкѣ.

„Вотъ тебѣ, Сократъ, и мнѣ, и разсужденіе о томъ, что, во-первыхъ, доблесть *есть* дѣло ученія, и Аѳиняне на нее такъ смотрятъ, и во-вторыхъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если у доблестныхъ отцовъ бывають дурные—и, на оборотъ, у дурныхъ—доблестные сыновья, все равно какъ въ ваяніи напр.—сыновей Поликлита, сверстниковъ присутствующихъ здѣсь Парала и Ксанѳиппа, и сравнить нельзя съ отцомъ, и то же самое бываетъ съ сыновьями другихъ того или иного рода дѣятелей. На самихъ Парала и Ксанѳиппа нападать не слѣдуетъ *); они еще молоды, и можно на нихъ надѣяться.

*) О сыновьяхъ Перикла Протагоръ упоминаетъ здѣсь вѣроятно, не безъ эгоистической цѣли, въ виду сказаннаго о нихъ Сократомъ выше (см. стр. 17).

Такую тираду Протагоръ прочиталъ и замолкъ. Я долгое время, какъ очарованный, все еще смотрѣлъ на него, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь, и чувствовалъ сильное желаніе слушать его дальше. Но когда увидѣлъ, что онъ дѣйствительно кончилъ, то, съ трудомъ собравшись съ мыслями, посмотрѣлъ на Иппократа и сказалъ: Какъ я тебѣ благодаренъ, Иппократъ, что ты меня направилъ сюда! Дорого для меня то, что я услышалъ отъ Протагора. Я прежде не подозрѣвалъ о существованіи людей средства дѣлать другихъ доблестными; теперь я въ этомъ убѣжденъ. Съ однимъ только незначительнымъ вопросомъ я не могу справиться. Впрочемъ, его Протагору, безъ сомнѣнія, легко уяснить, послѣ того какъ онъ уяснилъ то многое, что мы слышали. Конечно, если бы пришлось говорить о такихъ вещахъ съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ *народныхъ* ораторовъ, мы бы тоже, вѣроятно, слышали какое-нибудь „слово“ въ родѣ сказаннаго—отъ Перикла напр. или другого. Но ихъ разсужденія похожи на книги: если народный ораторъ сказалъ „слово“, то спрашивать его еще о чемъ-нибудь, чтобы онъ *отвѣтилъ* и, отвѣтивъ, поставилъ и въ свою очередь *вопросъ*,—дѣло безслезное; какъ мѣдный сосудъ, когда въ него ударишь, звучитъ—звучитъ не переставая, пока наконецъ его не придержишь рукой, такъ и онъ, задай ему самый пустой вопросъ по поводу сказаннаго имъ, опять затянетъ безконечную канитель. Не такъ я смотрю на Протагора: онъ, умѣя сказать длинную и прекрасную рѣчь, какъ мы сейчасъ слышали, въ то же время умѣетъ и *выслушать* вопросъ, чтобы отвѣтить на него кратко, и, въ свою очередь, *задать* вопросъ, чтобы выждать и получить отвѣтъ, а это дано немногимъ. Теперь, Протагоръ, я почти все уяснилъ себѣ, лишь бы ты отвѣтилъ еще на слѣдующее. Доблестъ, утверждаешь ты, есть дѣло ученія, и я—ужь если кому, то тебѣ повѣрю. Вызванное же твоею рѣчью недоумѣніе, о разрѣшеніи котораго я прошу, заключается вотъ въ чемъ. Ты говоришь, что Зевесъ послалъ людямъ *непреступность* и *совѣстливость*, а дальше опять указываешь на *непреступность*, благо-

разуміе, негрѣховность и все такое, какъ на что-то, составляющее будто бы нѣчто единое, именно *доблесть*. Вотъ объ этомъ ты бы теперь представилъ *точное* *) разсужденіе: единое ли нѣчто есть доблесть въ томъ смыслѣ, что непреступность, благоразуміе и негрѣховность заключаются въ немъ, какъ отдѣльныя ея части, или послѣднее все — только *разныя названія одного и того же*. Вотъ что я желалъ бы знать.

„На это — говоритъ Протагоръ — отвѣтить не трудно. Доблесть есть нѣчто единое, а то, о чемъ ты спрашиваешь, представляетъ собою ея части“.

— То есть какъ? — говорю; — въ такомъ ли смыслѣ это части цѣлаго, какъ части лица, — ротъ, носъ, глаза, уши, — или эти части, подобно частямъ золота, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга и отъ своего цѣлаго, развѣ только большимъ или меньшимъ объемомъ?

„Я думаю, — въ первомъ смыслѣ, Сократъ. какъ части лица относятся къ цѣлому лицу“.

-- А затѣмъ, — продолжаю я, — владѣютъ ли люди — кто одною изъ этихъ частей, а кто другою, — или же овладѣвшій одною, чрезъ то самое овладѣлъ и остальными?

„Ни въ какомъ случаѣ. Есть много храбрыхъ, но въ то же время они преступны; иной опять непреступенъ, но не мудръ“.

— А! значить, и *это* — части доблести, — храбрость и мудрость?

„Всенепремѣнно; и самая главная изъ нихъ и есть мудрость“.

— И каждая изъ нихъ сама по себѣ — не то, что другая?

„Да, не то“.

— И функція у каждой своя, какъ у частей лица? Глазъ вѣдь не то, что уши, и функція его не та же. Точно также и

---

*) Сказано, кажется, не безъ намека на недостаточную логичность прежняго „разсужденія“ Протагора.

между другими частями лица ни одной не найдешь тождественной съ другою ни по функции, ни по чему-либо другому. Значить, и части доблести не походятъ одна на другую ни сами по себѣ, ни по ихъ функциямъ? Очевидно, это такъ, если указанное сравненіе имѣеть здѣсь примѣненіе?

„Да, это, дѣйствительно, такъ“.

— Стало быть, — говорю тогда я, — между частями доблести нѣтъ больше ни одной такой, какъ мудрость, нѣтъ такой, какъ непроступность, храбрость, благоразуміе, негрѣховность?

„Нѣтъ“.

— Разсмотримъ теперь сообща каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Прежде всего вотъ что: *Непроступность* — есть ли нѣчто такое, что проявляется въ дѣйствиіи или нѣтъ? По моему это — нѣчто, проявляющееся въ дѣйствиіи. А по твоему какъ?

„По моему тоже“.

— И чтожъ? Если бы насъ съ тобою спросили: Протагоръ и Сократъ, скажите пожалуйста, — это „проявляющееся въ дѣйствиіи“ которое вы только что назвали непроступностью, самое это „нѣчто“, — есть ли оно непроступное или преступное? Я отвѣтилъ бы: — непроступное. А ты въ пользу чего подалъ бы голосъ, — согласно со мною или нѣтъ?

„Согласно съ тобою“.

— Стало быть, непроступность есть, такъ сказать, проявленіе *непроступнаго*? Я, если бы меня спросили, отвѣтилъ бы утвердительно. А ты какъ?

„Я тоже“.

— Затѣмъ, если насъ спросятъ: А подъ словомъ негрѣховность вы разумѣете чтонибудь? Мы отвѣтимъ, я думаю, что да?

„Конечно“.

— Можетъ быть, — скажутъ намъ, — вы и подъ этимъ словомъ разумѣете нѣчто проявляющееся въ дѣйствиіи? Мы и на этотъ вопросъ отвѣтимъ утвердительно?

„Утвердительно“.

— А самое это „нѣчто“, —спросятъ насъ, — что же это такое по вашему? Такое ли оно, что вы его назовете проявленіемъ *негрѣховнаго* или проявленіемъ *грѣховнаго*? Меня — говорю — такой вопросъ взволновалъ бы, и я сказалъ бы: Будь остороженъ, любезнѣйшій! Трудно быть чему нибудь *негрѣховнымъ*, если подь самую негрѣховностью мы будемъ разумѣть грѣховное. А ты что? Не такъ ли бы и ты отвѣтилъ?

„Конечно, такъ“.

— И если бы послѣ этого замѣтили намъ: Какъ же вы, однако, передъ тѣмъ говорили? О взаимномъ отношеніи частей доблести вы, кажется, утверждали, что одна какая-нибудь изъ нихъ не то же, что другая? Я отвѣтилъ бы: „Да, все это вы прекрасно разслышали; но чтобы я это утверждалъ, — въ этомъ вы ошиблись; это былъ отвѣтъ Протагора, а я только спрашивалъ. А если бы сказали: правда ли это, Протагоръ? — это ты говорилъ, что одна часть доблести не то же, что другая? — твоя это мысль? — что ты тогда отвѣтишь?“

„Отъ этого, Сократъ, отказаться нельзя“.

— А между тѣмъ, Протагоръ, согласившись на это, что же мы будемъ отвѣчать дальше, если намъ поставятъ вопросъ такъ: „Негрѣховность — скажутъ — не то, стало быть, что проявленіе *непреступнаго*, и, съ другой стороны, непроступность — не то, что проявленіе *негрѣховнаго*? А если непроступность не есть проявленіе негрѣховнаго, то она есть проявленіе *не* — негрѣховнаго? Также и съ другой стороны, если негрѣховность не есть проявленіе непроступнаго, то она есть проявленіе *не* — непроступнаго, значить, преступнаго, какъ и то, *не* — негрѣховное, въ свою очередь, будетъ грѣховно? Что мы отвѣтимъ? И за себя отвѣчу такъ: „И подь непроступностью мы разумѣемъ негрѣховное и подь негрѣховностью непроступное“. Да и за тебя, если бы ты позволилъ, отвѣтилъ бы то же самое: „Или — сказалъ бы я, непроступность и негрѣховность — одно и то же, или одно какъ нельзя болѣе близко къ другому, и, во всякомъ случаѣ, негрѣховность есть вмѣ-

стѣ съ тѣмъ и непроступность, и непроступность—вмѣстѣ съ тѣмъ и негрѣховность“. Имѣешь ли ты, Протагоръ, что-нибудь противъ такого отвѣта или и ты такъ смотришь на дѣло?

„Я вовсе не нахожу, Сократъ, это дѣло на столько простымъ, чтобы согласиться, что непроступность есть нѣчто негрѣховное и негрѣховность—нѣчто непроступное. Мнѣ кажется, тутъ есть нѣкоторая разница. Впрочемъ,—говорить,—это не важно; пусть подразумѣвается, если ужъ тебѣ этого хочется, подъ непроступностью негрѣховное и подъ негрѣховностью непроступное“.

— Да нѣтъ,—говорю я;—мнѣ не нужно, чтобы мы рѣшали вопросъ черезъ какое нибудь „если ужъ *тебѣ* хочется“ или „если *тебѣ* угодно“, а просто должно быть *и ты, и я*. Говоря *и ты, и я*, я хочу сказать, что истина лучше всего будетъ раскрываться, если не будемъ допускать въ наше разсужденіе такого *если*.

„Конечно,—говорить Протагоръ,—есть нѣчто общее между непроступностью и негрѣховностью. Сопоставляй что угодно и съ чѣмъ угодно, всегда найдешь что-нибудь общее. И черное съ бѣлымъ кое въ чемъ сходится, и мягкое съ твердымъ, и все другое, повидимому, самое противоположное. И тѣ части лица, которыя, какъ мы говорили, не одинаковы ни по ихъ функціямъ, ни сами по себѣ,—и онѣ кое въ чемъ сходятся, и, дѣйствительно, одна какая нибудь изъ нихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что и другая. Такъ ты, пожалуй, долженъ будешь признать всѣ предметы сходными между собою. Но не изъ-за того, что нѣкоторые предметы имѣютъ что нибудь общее, слѣдуетъ называть ихъ сходными, хотя, на оборотъ, предметы, имѣющіе что-нибудь не одинаковое, сами не будутъ изъ-за этого различными, даже при незначительности ихъ общаго въ однихъ—и неодинаковаго въ другихъ случаяхъ“.

Меня такое объясненіе поразило, и я сказала: Протагоръ, я не понимаю; такое, что ли, по твоему, отношеніе и между непроступностью и негрѣховностью, что то и другое имѣетъ только нѣчто *незначительное* общее?

„Вовсе не такое,—говорить онъ,—но и не такое, какъ ты себѣ, по видимому, представляешь“.

— Тебѣ, видно, не нравится все это; лучше бросимъ это и перейдемъ къ провѣркѣ другой части твоего положенія. Называешь ли ты что-нибудь неразумностью?

„Называю“.

— А неразумности не противоположна ли мудрость?

„Полагаю“.

— И когда какое-нибудь дѣйствіе правильно и полезно, то какъ, по твоему, поступаютъ люди, совершающіе его,—благоразумно или наоборотъ?

„Благоразумно“.

— И то, что этотъ поступокъ дѣлаетъ благоразумнымъ, есть само *благоразуміе*?

„Конечно“.

— А о людяхъ, совершающихъ дѣйствіе неправильное, мы говоримъ, что они, совершая его, поступаютъ *неразумно*, а не *благоразумно*?

„Да“.

— Стало быть, поступокъ неразумный представляетъ собою *противоположность* по отношенію къ поступку благоразумному?

„Да“.

И какъ благоразумнымъ дѣлаетъ тотъ или другой поступокъ само *благоразуміе*, такъ и неразумнымъ его дѣлаетъ *неразумность*?

Онъ согласился съ этимъ.

„Вѣдь только *сила*—говорю я—дѣлаетъ дѣйствіе сильнымъ, а слабымъ его дѣлаетъ *слабость*?“.

— Да.

„И только *скорость* дѣлаетъ дѣйствіе скорымъ, а медленнымъ—*медленность*?“

— Да.

„Вообще, если два поступка выходятъ одинаковыми, то это и

происходитъ отъ одинаковаго, а если противоположными, то-отъ *противоположнаго*“.

Онъ это подтвердилъ.

„Теперь вотъ что: называешь ли ты чтонибудь прекраснѣмъ?“

— Называю.

„А противоположнымъ прекрасному будетъ ли чтонибудь, кромѣ некрасиваго *)?“

— Нѣтъ.

„Дальше: называешь ли чтонибудь благомъ?“

— Называю.

„А кромѣ зла будетъ ли что-нибудь противоположнымъ благу?“

— Нѣтъ.

„Или: есть ли высота въ голосѣ?“

— Есть.

„И противоположною ей будетъ только глубина?“

Онъ согласился.

„Давай теперь,—говорю я,—переберемъ еще разъ то, въ чемъ мы съ тобою согласились. Итакъ, *одному* можно противополжить только *одно*, а не многое?“

— Да.

„И если сами дѣйствія противоположны другъ другу, то они и происходятъ отъ противоположнаго?“

— Да.

„И неразумный поступокъ *противоположенъ* благо разумному?“

— Да.

„Выходитъ же какойнибудь поступокъ благо разумнымъ отъ *благо разумія*, а другой—неразумнымъ отъ *неразумности*?“

— Да.

---

*) Я разумѣю здѣсь слово *некрасивый* въ томъ значеніи, въ какомъ оно чувствуется въ выраженіяхъ *некрасивый поступокъ*, *некрасивое поведеніе* и т. д.

„Послѣдній *противоположенъ* первому, слѣдовательно и выходитъ такимъ отъ противоположнаго?“

— Да.

„И въ то время какъ въ первомъ мы видимъ *благоразуміе*, въ послѣднемъ проявляется *неразумность*?“

Да.

„Сами дѣйствія *противоположны* другъ другу?“

— *Противоположны*.

„И *выходятъ* такими отъ противоположнаго?“

— И *выходятъ* такими отъ противоположнаго.

„Стало бытъ *неразумность* противоположна *благоразумію*?“

— Оказывается такъ.

„А помнишь, мы раньше находили *неразумность* противоположною *мудрости*?“

Онъ согласился.

„А затѣмъ говорили, что *одному* можно противополжить только *одно*!“

— Да.

„Котораго изъ положеній намъ теперь держаться, Протагоръ? Того ли, что *одному* можно противополжить только *одно*, или того, что *благоразуміе* и *мудрость*, какъ *два* части доблести, — не одно и то же, и не только — не одно и то же, но вполне расходятся и сами по себѣ, и по ихъ функціямъ, подобно частямъ лица? Котораго изъ этихъ положеній держаться? Совмѣстить ихъ будетъ негармонично. Гдѣ же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, быть гармоніи, если съ одной стороны что либо *одно* необходимо должно имѣть только *одну* противоположность, а съ другой — *неразумности* оказываются противоположными и *благоразуміе*, и *мудрость*. Такъ, Протагоръ, или какъ ты думаешь?“

Онъ согласился, но съ видимою неохотою.

„Не одно ли, въ такомъ случаѣ, составляетъ *благоразуміе* и *мудрость*? Раньше опять почти однимъ и тѣмъ же оказались *непреступность* и *негрѣховность*. Теперь хорошо было бы не бро-

сать этого дѣла, а довести его до конца. Если человѣкъ совершаетъ преступленіе, то можно ли въ его преступности найти *благоразуміе*?“

— Совѣстно было бы съ этимъ согласиться *), Сократъ хотя многіе люди такъ думаютъ.

„Къ нимъ ли я долженъ примѣнить свое разсужденіе или къ тебѣ?“

— Если угодно, ты прежде разбери мысль ихъ — этихъ многихъ.

„Хорошо, мнѣ все равно, чью мысль разбирать, лишь бы отвѣты по ея разбору я получалъ отъ тебя, согласенъ ли ты съ нею или нѣтъ. Я только самую мысль провѣряю, — хотя, конечно, приходится при этомъ подвергаться провѣркѣ и мнѣ самому (по скольку отъ меня требуются правильные вопросы), и моему собесѣднику (по скольку отъ него требуются правильные отвѣты)“.

Протагоръ сначала немного поважничалъ, что де самая мысль, которую ему приходится защищать, для него непривычна и тяжела; но потомъ согласился отвѣчать.

„Итакъ, — говорю я, — отвѣчай мнѣ опять сначала. Находятъ ли иногда людей, совершающихъ преступленіе, *благоразумными*?“

— Ну, допустимъ.

„А находятъ въ преступномъ *благоразуміе* значить находятъ въ немъ и разсудительность?“

— Допустимъ.

— „Разсудительность въ томъ случаѣ, когда преступленіе кончается успѣхомъ или когда — неуспѣхомъ?“

— Когда успѣхомъ.

---

*) Очевидно, Сократъ хочетъ выяснитъ также связь между негрѣховностью и непроступностью съ одной —, и *благоразуміемъ* и мудростью съ другой стороны. Да и Протагоръ долженъ почувствовать эту связь сразу въ отвѣтъ, на который его вызвалъ Сократъ своимъ вопросомъ о возможности или невозможности найти *благоразуміе* въ преступности.

„А называешь ли ты что нибудь благомъ?“

— Называю.

„И, вѣроятно, то-благо, что полезно для людей?“ *)

— Ну нѣтъ; бываютъ вещи, не полезныя для людей, а я ихъ всетаки назову благомъ.—

Вижу я, что Протагора уже коробить, что онъ борется съ собою и готовъ не отвѣчать дальше. А потому, боясь испортить дѣло, съ осторожностью, успокаивая его, спрашиваю дальше: Это—говору—какъ мнѣ понять, Протагоръ? Только людямъ неполезное или неполезное вообще можетъ быть благомъ?

„Нисколько,—говорить;—я знаю многое, что людямъ не полезно,—и пища, и питье, и разное зелье, и мало ли еще что,—а другое полезно. Иное для людей безразлично, и въ то же время оно полезно или для лошадей, или для рогатаго скота, или для собакъ. Есть и такое, что ни для кого изъ живыхъ существъ не полезно, а полезно только для деревьевъ. А то бываетъ еще и такъ, что полезное для корней деревьевъ вредно для ихъ вѣтвей. Навозъ напр. для всякаго рода растений, обложенныхъ имъ, полезенъ, а вздумай положить его на вѣтки и побѣги, то и пропадетъ все. Растительное масло опять—для *всякаго* растенія вредно, да и для шерсти всѣхъ положительно животныхъ оно злѣйшій врагъ, а волосамъ человѣка, а также всему тѣлу его оно очень помогаетъ. Такимъ образомъ, на счетъ блага выходитъ все пестро и разнообразно,—разнообразно до такой степени, что въ послѣднемъ примѣрѣ **) оказывается благомъ для наружныхъ частей тѣла человѣка вещь, вредная для внутреннихъ. Врачи напримѣръ *запрещаютъ* больнымъ употреблять въ пищу расти-

---

*) Мы видимъ, къ чему Сократъ направляетъ свою бесѣду. Такъ какъ благо есть вмѣстѣ съ тѣмъ и польза для людей, а преступность приносить имъ вредъ, то „разсудительный“ и „благоразумный“ человѣкъ, обнаруживающій свое „благоразуміе“ въ усматриваніи „успѣха“ и „пользы“ (своей ли, чужой ли), не можетъ допустить преступности какъ у другого, такъ и у себя.

**) Рѣчь идетъ о растительномъ маслѣ.

тельное масло, развѣ въ самомъ незначительномъ количествѣ, только для хорошаго запаха *).

Эти его слова вызвали шумъ одобренія. А я говорю: Протагоръ! Я какой то забывчивый человѣкъ, и если кто наговорить много, то я забываю, о чемъ идетъ рѣчь. Если бы я былъ глуховатъ, то ты, вѣроятно, счелъ бы нужнымъ, бесѣдуя со мною, говорить громче, чѣмъ съ другими. Точно также и теперь, когда ты имѣешь дѣло съ забывчивымъ человѣкомъ, отвѣчай мнѣ сжато и кратко, чтобы я могъ услѣдить за тобою.

„Какіе краткіе отвѣты—говорить Протагоръ—прикажешь давать? Короче, что ли, тебѣ отвѣчать чѣмъ это необходимо?“

—Вовсе нѣтъ.

„Значить, на столько кратко, на сколько это необходимо?“

—Да.

„На сколько я это считаю необходимымъ или на сколько ты?“

—Да вѣдь я слышалъ,—говорю,—что ты и самъ умѣешь, если захочешь, и другого научишь—объ одномъ и томъ же предметѣ говорить и долго, безъ конца, и кратко такъ, что короче никто не скажетъ. А потому, когда тебѣ приходится бесѣдовать со мною, то примѣни ко мнѣ послѣдній способъ—способъ „краткорѣчія“. —

„Ну, Сократъ,—говорить Протагоръ,—со многими людьми я уже устраивалъ состязанія въ рѣчахъ; но если бы я поступалъ по твоему, т. е. бесѣдовалъ такъ, какъ хотѣлось бы состязавшемуся со мною, то я оказался бы ниже всѣхъ, и не было бы имени Протагора между Эллинами“.

---

*) Сократу трудно было разобраться во всемъ хаосѣ мыслей, вошедшихъ въ данный отвѣтъ Протагора, не совсѣмъ хладнокровно отнесагося къ своему дѣлу;—трудно было разобраться и невозможно было извлечь изъ всего этого что нибудь для вопроса, который Сократъ рѣшалъ. Сократъ вовсе не думалъ въ своихъ разсужденіяхъ о *физической* пользѣ того или другого вещества; онъ имѣетъ дѣло съ *этическимъ* міромъ, въ которомъ, какъ онъ наже уясняетъ, выраженія „полезное“, „благое“, „прекрасное“ и „радостное“ представляютъ собою только разныя стороны одного и того же.

Я видѣлъ, что и за прежніе свои отвѣты онъ недоволенъ собою, и впередъ трудно будетъ захотить его отвѣчать на мои вопросы; а потому, найдя, что мнѣ больше не мѣсто въ его обществѣ, сказалъ ему: Да, Протагоръ, я не настаиваю на томъ, чтобы ты говорилъ со мною иначе, чѣмъ находишь нужнымъ, и готовъ бы бесѣдовать съ тобою, лишь бы ты захотѣлъ говорить такъ, чтобы я могъ *услышать* за тобою. Ты, какъ говорятъ о тебѣ, и какъ ты самъ о себѣ утверждаешь, умѣешь вести бесѣды и способомъ „длиннорѣчія“, и способомъ „краткорѣчія“; умѣешь это потому, что ты мудръ. я же на это многословіе не способенъ, хотя и желалъ бы пріучиться къ нему. А потому тебѣ, искусному въ томъ и другомъ, слѣдовало бы уступить мнѣ, чтобы бесѣда могла продолжаться. Но ты, видно, этого не хочешь, а у меня теперь есть дѣло и не-когда выслушивать длинныя рѣчи,—я долженъ еще кое къ кому зайти,—а потому пойду,—хотя, не будь этого недосуга, я и эти рѣчи слушалъ бы не безъ удовольствія.

Съ этими словами я поднимаюсь, чтобы уйти. Но тутъ Каллій одною рукою беретъ меня за руку, другою за тривонъ *) и говоритъ: Мы не пустимъ тебя, Сократъ. Если ты уйдешь, то бесѣда у насъ ужъ пойдетъ не такъ. Прошу тебя остаться съ нами. Ты долженъ знать, что никого я не слушалъ бы съ такимъ удовольствіемъ, какъ васъ съ Протагоромъ. Ну, сдѣлай же одолженіе всѣмъ намъ!

А я, почти уже на пути, говорю ему: Ахъ Каллій! Я всегда приходилъ въ восторгъ отъ твоей любви къ мудрости, да и теперь люблю тебя и хвалю. Я радъ бы угодить тебѣ, если бы ты просилъ о возможномъ. Но при настоящемъ положеніи это все равно, какъ если бы ты просилъ меня погнаться за теперешнею знаменитостію—бѣгуномъ Крисономъ Имерскимъ или вообще за какимъ-нибудь скороходомъ. Я сказалъ бы тебѣ тогда, что я болѣе тебя желалъ бы поспѣть за ними, когда они бѣгутъ, но право

---

*) Короткій плащъ.

не могу; а потому если ты желаешь видѣть насъ съ Крисономъ бѣгущими взапуски, то ты его, Крисона, попроси поубавить ходу, такъ какъ я скоро ходить не могу, а онъ медленно можетъ. То же самое и теперь: если желаешь слышать насъ съ Протагоромъ, то ты его попроси продолжать по прежнему—отвѣчать кратко и только на вопросы; въ противномъ случаѣ, какая у насъ можетъ выйти бесѣда? Я всегда былъ того мнѣнія, что большая разница бесѣдовать и „говорить рѣчи“.

„Но видишь ли, Сократъ,—говорить Каллій,—Протагоръ правъ, предоставляя себѣ говорить, какъ ему угодно, а ты опять можешь говорить, какъ ты для себя находишь удобнымъ“.

Тогда Алкивиадъ, перебивъ Каллія, сказалъ: Не такъ ты говоришь, Каллій. Сократъ утверждаетъ, что онъ не привыкъ къ „длиннорѣчію“ и уступаетъ въ этомъ отношеніи Протагору; но я удивился бы, если бы онъ кому нибудь уступалъ въ искусствѣ вести настоящую *бесѣду* и въ умѣніи самому соблюдать, а отъ другого требовать строгой логичности въ разсужденіи. Итакъ, если Протагоръ сознается, что не умѣетъ вести бесѣду такъ, какъ Сократъ, то Сократу больше ничего не нужно. А если онъ хочетъ мѣряться съ Сократомъ, то пусть ведетъ бесѣду черезъ *вопросы* и *ответы*, и пусть не заводитъ по поводу каждаго вопроса длинную рѣчь, нарочно затемняя дѣло, чтобы ускользнуть отъ прямого отвѣта, и разбрасывался до того, что большинство слушателей забываетъ, въ чемъ вопросъ. За Сократа, впрочемъ, я ручаюсь; онъ не забудетъ ничего, мало ли что онъ тамъ въ шутку говоритъ о своей забывчивости. Вообще, если позволено и намъ высказать свое мнѣніе, я нахожу, что правъ Сократъ, а не Протагоръ.

За Алкивиадомъ, помнится, говорилъ Критій, обрящаясь къ Продику и Ишию: Каллію, видно, хотѣлось бы отстоять Протагора, а Алкивиадъ, во что бы ни вмѣшался, всегда будетъ горячиться. Намъ вовсе не слѣдуетъ горячиться ни за Сократа,

ни за Протагора, а относиться одинаково безпристрастно къ обоимъ и просить ихъ только не прерывать бесѣды на срединѣ.

На это отозвался Продикъ *): Ты правильно говоришь, Критій. Намъ, присутствующимъ при такихъ бесѣдахъ, слѣдуетъ выслушивать обоихъ бесѣдующихъ именно *безпристрастно* (не *безразлично*; это не одно и то же: безпристрастно слѣдуетъ слушать обоихъ, но не обоимъ воздавать одинаковое, а тому кто окажется мудрѣе, слѣдуетъ воздать больше, а менѣе мудрому—меньше). Я и самъ, Протагоръ и Сократъ, думаю, что лучше вамъ сойтись и, дѣйствительно, какъ подобаешь, *спорить* (не *ссориться*; „спорять“ благодушно друзья съ друзьями, а „ссорятся“ люди различныхъ партій и враги). Только въ такомъ случаѣ бесѣда выйдетъ на самомъ дѣлѣ вполне прекрасною; вы, бесѣдующіе, удостоитесь съ нашей стороны *одобрения* (не *восхваления*; „одобряютъ“ люди въ душѣ, безъ обмана, а „восхваляютъ“ на словахъ, въ душѣ думая другое), а намъ, слушателямъ, доставите *утѣшеніе* (не *наслажденіе*; „утѣшить можно человѣка, занятаго умственно, стало быть,—его душу, а „наслаждаться“ можетъ—ѣдою или какимънибудь другимъ удовольствіемъ—тѣло).

Эта рѣчь Продика весьма хорошо была принята присутствующими. Послѣ Продика говорилъ мудрецъ Иппій: Мужичлены нашего собранія! Всѣ мы, я думаю, родные, одна семья и, такъ сказать, сограждане;—сограждане, соединенные не внѣшнимъ закономъ, а внутреннимъ стремленіемъ. Да; равный съ равнымъ сближается внутренно, а законъ, будучи силою извнѣ, зачастую идетъ противъ этого внутренняго стремленія. Мы—люди, вѣдающіе глубину вещей; мы—первые мудрецы Эллады; мы находимся въ первомъ и богатѣйшемъ домѣ этого эллинскаго пританія **) образованности, и стыдно намъ не стоять на высотѣ своего положенія и препираться, какъ самые обыкновенные люди. Я предлагаю и совѣту, Протагоръ и Сократъ, примириться при посредничествѣ

*) Большой синонимистъ.

**) Разумѣются Аены, какъ первенствующій городъ всей Греціи.

нашего какъ-бы третейскаго суда, и ни тебѣ, Сократъ, не гоняться за тою слишкомъ большою сжатостью словъ, если это не пріятно Протагору, а дать волю рѣчамъ, чтобы онѣ выходили болѣе пышными и округленными, ни Протагору не пускаться на всѣхъ парусахъ, куда вѣтеръ понесетъ, въ море рѣчей, теряя изъ виду берегъ, но обоимъ соблюдать золотую средину. Вы послушайте меня и поступите такъ: выберите себѣ изъ насъ наблюдателемъ кого-нибудь, кто бы слѣдилъ за мѣрою рѣчи каждаго изъ насъ.

Такое предложеніе понравилось всѣмъ присутствующимъ, и всѣ одобрили его; а мнѣ Каллій заявилъ, что не отпуститъ меня. Всѣ стали предлагать эпистата. *) На это я имъ сказалъ: Назначать третейскаго судью для рѣчей—дѣло неподходящее Почему? Или избранный окажется хуже насъ бесѣдующихъ; тогда будетъ нехорошо, если худшій будетъ эпистатомъ надъ лучшими. Или онъ будетъ равенъ намъ; но это тоже будетъ неправильно, такъ какъ равный намъ будетъ относиться къ дѣлу такъ же, какъ и мы, слѣдовательно, его назначеніе будетъ излишнимъ. Наконецъ,—говорю,—вы выберете лучшаго; но врядъ ли, думаю, возможно, чтобы нашелся кто-нибудь мудрѣе Протагора; и выйдетъ, что назначенный будетъ не на самомъ дѣлѣ лучшимъ, а только будетъ объявленъ вами за лучшаго, и его назначеніе въ эпистаты, такимъ образомъ, не будетъ имѣть другого смысла, кромѣ того, что вы пристыдите и принизите Протагора. Мнѣ лично все равно; но если хотите, чтобы бесѣда продолжалась, то я вамъ предложу вотъ что. Если Протагоръ не желаетъ отвѣчать, то пусть онъ спрашиваетъ, а отвѣчать буду я; тутъ же, кстати, попытаюсь показать, какіе отвѣты, по моему, долженъ давать отвѣчающій. Только ужъ тогда, если я берусь отвѣчать на все, что ему угодно будетъ спрашивать, пусть и онъ, въ свою очередь, не отказывается давать мнѣ отвѣты, какихъ потребуетъ ходъ бесѣды. Если же онъ не обнаружитъ готовности отвѣчать прямо на во-

---

*) Т. е. наблюдателя.

просы, то тогда и я, и вы всё, сообща, будемъ просить его о томъ же, о чемъ вы сейчасъ просили меня, т. е. не разстраивать бесѣды. И не нужно изъ-за этого назначать эпистата, а всё вы будете эпистатами.

Всѣ согласились на это. Одному только Протагору этого совсѣмъ не хотѣлось. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, его заставили согласиться и спрашивать, а когда достаточно поразспросить, то давать и съ своей стороны *краткіе* отвѣты на мои вопросы.

Началъ онъ спрашивать слѣдующимъ образомъ. Я считаю — говорить онъ — важнѣйшею стороною образованія умѣніе разбираться въ стихахъ. Это значитъ быть въ состояніи понимать правильность и неправильность сказаннаго поэтомъ, умѣть разбить стихотвореніе на части и на вопросы, касающіеся той или другой его стороны, отвѣчать отчетливо. У насъ и теперь пойдетъ разсужденіе о томъ же, о чемъ мы сейчасъ бесѣдовали съ тобою, Сократъ; только мы теперь приурочимъ это разсужденіе къ поэтическому произведенію, и въ этомъ будетъ состоять все видоизмѣненіе нашей бесѣды. Въ одномъ стихотвореніи Симонидъ обращается къ Скопѣ, сыну Θεσσαλійскаго Креонта, съ такими словами:

Ἄνδρ' ἀγαθὸν μὲν ἀλαθέως γενέσθαι χηλεπόν

χερσίν τε καὶ ποσὶ καὶ νόφ' τετραγώνου, ἄνευ φόγου τετυγμένον. *)

Ты знаешь это стихотвореніе или прочесть его тебѣ все?

„Не надо, — говорю, — я его знаю и именно имъ всегда очень интересовался“.

— Прекрасно, — говорить. — А ты какъ его находишь; правильно и хорошо оно написано или нехорошо?

„Весьма — говорю — хорошо и правильно“.

— А хорошо ли это по твоему, если поэтъ самъ себѣ противорѣчить въ немъ?

---

*) Этихъ строкъ я не передаю по русски потому, что смыслъ ихъ самъ Сократъ поясняетъ ниже, общій контекстъ отъ оставленія ихъ непереведенными не страдаетъ, и предвосхищать самое толкованіе Сократа мнѣ не хотѣлось.

„Нѣтъ, нехорошо“.

— А присмотришь къ нему ближе!

„Да я въ него, любезнѣйшій, всматривался уже достаточно“.

— А знаешь ли ты, что дальше идутъ такія слова:

И мнѣ сдается, что Питтаково

Реченье необдуманно;

Хотя онъ и мудрецъ, а говоритъ,

что ἐσθλὸν ἔμμεναι χαλεπὸν. *)

Подумалъ ли ты — говорить — о томъ, что эти и вышеприведенныя слова говорить одинъ и тотъ же авторъ?

„Знаю“.

— А находишь ли ты послѣдовательность между первымъ и вторымъ мѣстомъ?

„Нахожу“ (**). Но тутъ же подумалъ, что Протагоръ, въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, имѣетъ что-нибудь въ виду, о чемъ я не догадываюсь, и говорю: „А ты развѣ не находишь?“

— Какъ же — говорить онъ — находить послѣдовательнымъ самому себѣ того, кто соединилъ обѣ приведенныя мысли и, исходя изъ положенія, что трудно ἄνδρ' ἀγαθὸν γενέσθαι ἀληθεία, самъ дальше забываетъ объ этомъ и укоряетъ Питтака, утверждающаго то же, что и онъ, именно что трудно ἐσθλὸν ἔμμεναι, Вѣдь укоряя человѣка, утверждающаго одинаковое съ нимъ, онъ, очевидно, укоряетъ и самаго себя; такимъ образомъ, или его собственное положеніе неправильно, или онъ не правъ, укоряя Питтака.

Эти слова Протагора вызвали шумъ одобренія. Отъ нихъ и сопровождавшаго ихъ шума, словно отъ удара ловкаго бойца, у меня, сначала, и глаза домутились, и голова закружилась. Но

*) Осталось непереведеннымъ по той же причинѣ.

**) Все это не Сократовскій методъ спрашиванія. Сократъ видитъ, что изъ такого спрашиванія ничего не выйдетъ, а потому, при первой возможности, забираетъ въ руки дѣло самъ, не очень, впрочемъ, рассчитывая на него, какъ ниже увидимъ, для разъясненія интересующаго его вопроса.

потомъ я (сказать по правдѣ, только чтобы выгадать время для обдумыванія словъ поэта) обращаюсь къ Продику и говорю: Продику, тебѣ Симонидъ землякъ; тебѣ и надлежитъ выручить этого мужа. По этому я хочу призвать тебя, какъ у Омира Скамандръ, тѣснимый Ахилломъ, призываетъ Симоиса словами:

Другъ Симоисъ! остановимъ напоръ удалаго Ахилла. И вотъ и я призываю тебя, чтобы у насъ Протагоръ не „разгромилъ“ Симонида. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы разъяснить поэму Симонида, для этого нужно твое искусство, въ силу котораго ты различаешь слово βούλεσθαι (=рѣшаться на чтонибудь) отъ ἐπιθυμέειν (=страстно желать), и много другого хорошаго говоришь въ этомъ родѣ, какъ мы только что слышали отъ тебя. Подумай и теперь, не согласишься ли со мною. Повидимому, Симонидъ не противорѣчитъ себѣ. Ты, Продику, выскажись: то ли самое ты видишь въ словѣ γυνέσθαι, что въ словѣ εἶναι, или что-нибудь другое?

„Понятно, другое“—говоритъ Продику.

— Не высказалъ ли—говорю—самъ Симонидъ въ первыхъ строкахъ такую свою мысль, что трудно (=χαλεπόν) *стать* (=γυνέσθαι) хорошимъ человѣкомъ (=ἄνδρ' ἀγαθόν).

„Правду говоришь“—отвѣтилъ Продику.

— А Питтака—говорю—онъ укоряетъ не за то, что онъ, какъ думаетъ Протагоръ, утверждаетъ одинаковое съ Симонидомъ, а за то, что онъ утверждаетъ другое. По Питтаку выходитъ труднымъ не *стать хорошимъ*, а *быть* (=εἶναι=ἔμμεναι) хорошимъ (=ἔσθλόν). Не одно и то же, Протагоръ, какъ и Продику утверждаетъ, *быть* и *стать*. А если не одно и то же *быть* и *стать*, то Симонидъ и не противорѣчитъ себѣ. Вѣроятно, такъ скажетъ и Продику, и многіе другіе, согласно съ Исіодомъ, что именно *сдѣлаться* хорошимъ трудно,—трудно потому, что на пути къ доблести боги положили потъ и трудъ. Но разъ кто на этомъ пути добрался до верхней ступени, то она, эта

доблесть, *трудная въ самомъ началѣ, впоследствии легкою станетъ* *), т. е. легко потомъ *владѣть* ею.

Продикъ, услыхавъ это, одобрилъ меня. Протагоръ же сказалъ: Въ твоёмъ объясненіи, Сократъ, кроется ббольшая ошибка, чѣмъ въ самомъ объясняемомъ.

А я говорю: Плохо, стало быть, я сдѣлалъ, Протагоръ, и смѣшной я какой-то врачъ: лѣченіемъ я ухудшаю болѣзнь.

„Однако, это такъ“ — говоритъ Протагоръ.

— Ка къ такъ?

„Большимъ — говоритъ — невѣждою былъ бы поэтъ, если бы онъ находилъ столь простымъ держаться на высотѣ доблести; весь міръ тебѣ скажетъ, что это и есть самое трудное“.

— Какъ же, однако, кстати — говорю — случился при нашемъ разсужденіи Продикъ, — ей ей! Надобно полагать, Протагоръ, что мудрость, какою одаренъ Продикъ, какая то давняя и божественная, **) ведущая свое начало или отъ самого Симонида, или отъ временъ еще болѣе раннихъ. Ты, хотя и опытенъ во многомъ другомъ, однако, въ ней не такъ свѣдущъ, какъ я, ученикъ Продика. И теперь, я думаю, ты и не подозрѣваешь, что и Питтакову выраженію *χαλεπόν* Симонидъ, вѣроятно, придавалъ не такое значеніе, какое придаешь ему ты, и какое ему придавалъ Питтакъ. Мнѣ всегда Продикъ дѣлаетъ наставленіе относительно слова *δεινός*. Когда я, восхваляя тебя или кого-нибудь другого, выражаюсь, что вотъ Протагоръ какой мудрый и *δεινός*, то онъ восклицаетъ: Какъ несовѣстно тебѣ называть хорошее — *δεινόν*; *δεινόν* есть нѣчто нехорошее, и никто никогда не говоритъ о богатствѣ — *δεινόν*, о мирѣ — *δεινός*, о здравіи — *δεινόν*, а говорятъ *δεινή* (=ужасная) о болѣзни, о войнѣ о бѣдности, исходя изъ того, что *δεινόν* есть нѣчто нехорошее.

*) Мѣсто изъ Исіода.

**) Сказано, очевидно, не безъ ироническаго намека на восхваленіе Протагоромъ давности софистики (см. стр. 13.)

Точно также, вѣроятно, и слово *χαλεπόν* и Кеосцы и Симонидъ понимаютъ въ смыслѣ чего-то нехорошаго или въ другомъ какомъ-нибудь смыслѣ, *) какого ты не подозреваешь. Вотъ, спросимъ Продика, какъ компетентнаго толкователя нарѣчія Симонида. Что, Продикъ, Симонидъ разумѣлъ подъ словомъ *χαλεπόν*? — „Нѣчто нехорошее“.

— То-то, — говорю я, обращаясь къ Продику, — Симонидъ и укоряетъ, должно быть, Питтака, когда тотъ говоритъ, что *χαλεπόν* *быть хорошимъ*: онъ, по своему пониманію словъ, вычиталъ у Питтака такой смыслъ, что *нехорошо* *быть хорошимъ*.

И Продикъ говоритъ: А что же другое, какъ не это, думалъ ты, хочеть сказать Симонидъ, и за что другое онъ укоряетъ Питтака, какъ не за совершенное неумѣніе его, какъ Лесвосца, съ его нелитературнымъ нарѣчіемъ, подбирать болѣе правильныя выраженія для своей мысли?

„Слышишь, Протагоръ, — говорю я; — имѣешь ли ты что сказать противъ этого?“

— Это, Продикъ, далеко не такъ — говоритъ Протагоръ; — Симонидъ, я увѣренъ, понималъ слово *χαλεπόν* въ такомъ смыслѣ, какъ и всѣ мы: не въ смыслѣ чего-нибудь нехорошаго, а въ смыслѣ нелегкаго и добываемаго большимъ трудомъ.

„Да я, Протагоръ, тоже думаю, что Симонидъ понималъ такъ это слово; да и Продикъ, по всей вѣроятности, такъ смотритъ на дѣло, и сказанное имъ есть не что иное, какъ шутка **): онъ, видно, хотѣлъ только испытать тебя, найдешь ли ты отстоять свое. А что Симонидъ, дѣйствительно, не понимаетъ слово *χαλεπόν* въ смыслѣ чего-нибудь нехорошаго, такъ лучшимъ доказатель-

*) Сравни смыслъ нашего слова *тяжелый*, соответствующаго въ общемъ греческому *χαλεπόν* во фразѣ напр. *онъ тяжелый человекъ*.

**) Да шутка, но только не со стороны Продика, а со стороны Сократа, направленная противъ Продика. Напрасно Продикъ съ такою авторитетностью подтверждаетъ то, что ему устроено было Сократомъ въ видѣ ловушки, имѣющей обнаруживать всю несерьезность его синонимики.

ствомъ этому служить непосредственно слѣдующая строка его стихотворенія. Въ ней сказано, что быть хорошимъ принадлежитъ одному только божеству, какъ его преимущество. А между тѣмъ, понимай онъ дѣло такъ, что нехорошо быть хорошимъ, онъ ужъ никакъ не сказалъ бы велѣдъ затѣмъ, что это *нехорошее* свойственно одному только *божеству*, и не приписывалъ бы ему этого въ видѣ его *преимущества*. Не безнравственный же человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ Симонидъ, а Кеосецъ *). А каковъ, по моему, дѣйствительный смыслъ этого стихотворенія Симонида, — я тебѣ разъясню, если ужъ тебѣ хочется испытать мою способность, какъ ты выразился, „разбираться въ стихахъ“; а то, если хочешь, послушаю тебя“.

— Не угодно ли тебѣ объяснять — говорить Протагоръ; — также и Продикъ и Иппій и всѣ остальные очень просили меня объ этомъ.

„Итакъ, — говорю, — я постараюсь разъяснить вамъ свой взглядъ на это стихотвореніе. Любомудріе раньше и въ большей степени, чѣмъ остальные Элліны, развили у себя Критяне и Лакедемоняне, и мудрецовъ больше всего встрѣчаемъ тамъ. Только они отиѣквиваются и прикидываются невѣждами. Они, какъ и тѣ софисты, о которыхъ раньше говорилъ Протагоръ **), не желаютъ обнаруживать свое превосходство надъ Эллінами въ мудрости и хотятъ казаться превосходящими ихъ воинственностью и храбростью. Они боятся, что если обнаружатъ, чѣмъ собственно они превосходятъ другихъ, то всякому тогда захочется заниматься этимъ, т. е. мудростью. А теперь они, утаивъ это, успѣли обмануть лаконофиловъ въ другихъ государствахъ, а тѣ, изъ подражанія имъ, уродуютъ уши, обматываютъ ремнями руки, усиленно занимаются гимнастикой, носятъ короткіе плащи, какъ будто отъ этого за-

---

*) Кеосцы славились стротостью и чистотою нравовъ.

**) Вообще, во всей этой рѣчи чувствуется иронія и пародія на рѣчь Протагора о софистахъ (см. стр. 13).

виситъ превосходство Лакедемонянъ надъ Эллинами. Между тѣмъ, Лакедемоняне, когда захотятъ безъ стѣсненія быть вмѣстѣ съ своими мудрецами, прогоняютъ всѣхъ иностранцевъ — и лаконофиловъ этихъ, и всякаго другого, кто находится въ ихъ странѣ — и бесѣдуютъ себѣ безъ постороннихъ свидѣтелей; и не только прогоняютъ иностранцевъ, но и сами не пускаютъ никого изъ молодыхъ людей за границу, какъ и Критяне, чтобы молодежь не разучилась тому, чему они сами ее учатъ. И у нихъ не только мужчины, но и женщины одинаково гордятся своимъ образованіемъ. А что я правду говорю, что Лакедемоняне дѣйствительно получаютъ прекраснѣйшее образованіе въ любомудріи, и мысль у нихъ выработана, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго. Если кому-нибудь изъ васъ придется имѣть дѣло съ самымъ послѣднимъ изъ Лакедемонянъ, то, въ большинствѣ случаевъ, онъ вамъ покажется въ разговорѣ какимъ-то простачкомъ; но вдругъ онъ, какъ искусный копьеметатель, ввернетъ вамъ, когда это идетъ къ разговору, такое замѣчательное словцо, и притомъ краткое и сжатое, что бесѣдующій съ нимъ почувствуетъ себя хуже школьника. Это нѣкоторые изъ современниковъ и изъ прежнихъ людей наконецъ таки поняли; они знаютъ, что быть настоящимъ лаконофиломъ значить не за гимнастикой гоняться, а заниматься любомудріемъ; они знаютъ, что произносить такіа изреченія, какія произносятъ Лакедемоняне, въ состояніи дѣйствительно только вполне образованный человѣкъ. Таковыми были: Фалесъ Милитскій, Питтакъ Митилинскій, Віантъ Принскій, нашъ Солонъ, Клеовуль Линдскій, Мисонъ Хинейскій, а седьмымъ между ними называютъ Хилона Лакедемонскаго. Всѣ они были поклонниками, ревнителями и поборниками лакедемонской образованности, и всякій можетъ видѣть, что въ этомъ и заключалась ихъ мудрость, именно въ составленіи каждымъ изъ нихъ изреченій краткихъ и замѣчательныхъ. Съ общаго уговора они эти изреченія посвятили Аполлону, какъ лучшую часть своего умственного труда, и напи-

сали на храмъ въ Дельфахъ повторяемое теперь за ними всюду „Познай самого себя“ и „Всего въ мѣру“.

„Къ чему я все это говорю? А къ тому, что это былъ именно характеръ древняго любомудрія, какое то лаконское краткорѣчіе. Въ частности, изреченіе Питтака „трудно быть хорошимъ“ повторялось всюду и восхвалялось мудрецами. А Симонидъ, человекъ, искавшій славы мудреца, зналъ, что опровергни онъ это изреченіе такъ, какъ опровергиваютъ славнаго атлета, то самъ тогда прославится у современниковъ. На это изреченіе и по поводу его, съ цѣлью его поколебать, онъ и написалъ, я думаю, все свое стихотвореніе.

„Разсмотримъ его всё вмѣстѣ, правду ли я говорю. Было бы нелѣпо, если бы Симонидъ сейчасъ же въ самомъ началѣ стихотворенія, желая просто сказать, что *трудно сдѣлаться хорошимъ*, вставилъ слово *μὲν*. Вставка этого слова, очевидно, не найдетъ себѣ оправданія, если не понимать дѣло такъ, что положеніе Симонида противопоставляется положенію Питтака. Такъ какъ Питтакъ утверждаетъ, что *трудно быть хорошимъ*, то Симонидъ, оспаривая послѣднее, и говоритъ: „Нѣтъ; *сдѣлаться хорошимъ*—вотъ что, *собственно* (?=*μὲν*), дѣйствительно трудно“. Я говорю—*дѣйствительно трудно*, а не—*дѣйствительно хорошимъ*. Не къ слову *хорошій* относится слово *дѣйствительно* (= *ἀλαθέως* = *ἀληθεία*). А то какъ будто есть люди, *дѣйствительно хорошіе*, а другіе—хорошіе, но не дѣйствительно; это было бы нелѣпо и недостойно Симонида. Надобно признать, что слово *ἀλαθέως* въ разбираемомъ нами мѣстѣ есть *ὑπερβατόν* (= поставлено не на томъ мѣстѣ, гдѣ оно должно стоять по смыслу), и нужно привести его вотъ въ какое отношеніе къ изреченію Питтака. Представимъ себѣ Питтака *высказывающимъ* свое положеніе, а Симонида *возражающимъ* противъ этого положенія. Первый говоритъ: Люди, трудно быть хорошимъ. А второй отвѣчаетъ: Нѣтъ, Питтакъ, не правду ты говоришь; *сдѣлаться хорошимъ*, такъ чтобы каждое дѣло, каждый шагъ, каж-

дая мысль были совершенство, однимъ словомъ — сдѣлаться *безукоризненнымъ*, вотъ что, *собственно, дѣйствительно* трудно *). При такомъ толкованіи и вставка словца *μὲν* будетъ имѣть основаніе, и оправдывается ὑπερβατὸν слова ἀλαδέως. Во всемъ слѣдующемъ данное мною толкованіе находить себѣ подкрѣпленіе. Много можно бы сказать о каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ, если бы останавливаться на поэтическихъ достоинствахъ этого стихотворенія; оно, дѣйствительно, полно красотъ, и въ немъ что слово, то мысль. Но такой разборъ завелъ бы насъ далеко. Мы разберемъ только общій его характеръ и разъясимъ его цѣль, только и направленную на опроверженіе изреченія Питтака.

„Такъ, чрезъ нѣсколько строкъ, мы находимъ такой контекстъ съ предъидущимъ: *Сдѣлаться* хорошимъ человѣкомъ, — вотъ это дѣло трудное. Оно возможно на нѣкоторое время, но затѣмъ, по достиженіи этой возможности, оставаться *все время* въ этомъ состояніи и *быть* хорошимъ, какъ ты, Питтакъ, утверждаешь, не — мыслимо и недоступно силамъ человѣка. Это преимущество одного божества;

*А смертному нельзя не оплошать,
Нельзя не оплашать, когда его
Сразитъ тяжелый не по силамъ случай.*

И о комъ можно сказать, что его въ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ „сразитъ тяжелый не по силамъ случай?“ Ужъ никакъ не о томъ, кто совершенно въ этомъ дѣлѣ несвѣдущъ; такой человѣкъ вообще никогда не можетъ быть въ состояніи „несраженнаго“. Лежачаго не повалишь; повалить можно только того, кто стоитъ, а не того, кто уже лежитъ. Точно также только *располагающій* средствами преодолѣвать на нѣкоторое время затрудненія можетъ быть „сраженъ тяжелымъ не по силамъ случаемъ“; а у кого никогда никакихъ средствъ не было бороться съ ними,

---

*) Вотъ истолкованіе строкъ, приведенныхъ на стр. 43 по гречески.

тотъ не можетъ. *Хорошаго моряка* большаи буря можетъ сдѣлать безсильнымъ, *хорошаго землепашца* тяжелая пора можетъ сдѣлать безсильнымъ, врача—то же самое,—вообще только „хорошему“ можно оплошать, какъ и другой поэтъ свидѣлствуетъ словами:

*Мужъ доблестный то поскользнется,
То опять поднимется.....*

А кто разъ „плохъ“, про того ужъ нельзя говорить, что онъ „оплошалъ“; онъ долженъ всегда *быть* плохъ. И такъ, только осиливающему затрудненія и мудрому и хорошему „нельзя не оплошать, когда его сразить тяжелый не по силамъ случай“; а ты, Питтакъ, говоришь, что трудно *быть* хорошимъ; *сдѣлаться* трудно, хотя и возможно, а о томъ, чтобы *быть*, и рѣчи нѣтъ:

*Успѣхъ имѣя въ дѣль, всякъ хорошиъ,
А неудача дѣлаетъ плохимъ.*

И когда можно говорить объ успѣхѣхъ напр. въ грамотности? Что дѣлаетъ человѣка „хорошимъ“ въ грамотности? Очевидно, ея изученіе. И отъ чего зависитъ тотъ „успѣхъ“, который дѣлаетъ врача „хорошимъ“? Понятно, отъ изученія терапия. И, наоборотъ, о комъ можно говорить, что онъ *сдѣлался* плохимъ врачомъ? Очевидно, о томъ, кто прежде всего вообще врачъ, а потомъ „хорошій“ врачъ; только такой можетъ сдѣлаться и плохимъ врачомъ. А о насъ не-врачахъ нельзя говорить, что мы „потерпѣли неудачу“, какъ врачи, точно также, какъ нельзя говорить, что мы потерпѣли „неудачу“, какъ домостроители или другое что нибудь въ этомъ родѣ. А о комъ нельзя сказать, что онъ *потерпѣлъ* „неудачу“, какъ врачъ, о томъ нельзя говорить, что онъ *сдѣлался* плохимъ врачомъ. Такъ и человѣкъ вообще, если онъ былъ „хорошимъ“, можетъ „сплоховать“—вслѣдствіе старости, тяжелого труда, болѣзни или другого какого-нибудь несчастія; его „неудача“ только въ томъ и заключается, что онъ лишенъ возможности своими познаніями бороться съ обстоятельствами. А того, кто вообще „плохъ“,—того ужъ ничто ни-

когда не *сдѣлаетъ* плохимъ; онъ всегда *пробываетъ* такимъ; а для того, чтобы *сдѣлаться* плохимъ, нужно прежде *сдѣлаться* хорошимъ. Такимъ образомъ, и эти строки стихотворенія къ тому же ведутъ, что *быть* человѣкомъ хорошимъ невозможно, т. е. быть имъ всегда, а *сдѣлаться* хорошимъ можно, точно также какъ и плохимъ *сдѣлаться* можно тому же хорошему.

*А дольше тотъ хорошимъ пребываетъ,
Кого любятъ боги...*

Все это говорится по поводу изреченія Питтака. По тому же поводу, какъ видно еще съ большею ясностью, сказано и слѣдующее, гдѣ читаемъ:

*И не бывать тому во весь мой вѣкъ, чтобъ я
Стремился къ цѣли невозможной,
Напрасно жизнь отдавъ несбыточнымъ мечтамъ;—
Чтобъ сталъ искать я безупречность
У тѣхъ, которымъ служатъ нищею плоды
Земли широкозаселенной;
Не нужно мнѣ ея для похвалы людей.*

Такъ неуклонно онъ нападаетъ на изреченіе Питтака во всемъ стихотвореніи:

*Да, всякаго люблю я и хвалю
Охотно кто нечестнаго не совершитъ; *)
Съ необходимостью же и богамъ
Бороться невозможно....*

И эти слова сказаны съ тою же цѣлью. Конечно, Симонидъ не на столько невѣжественъ, чтобы утверждать, что онъ хвалитъ людей, охотно не совершающихъ ничего дурнаго. Какъ будто есть дѣйствительно на свѣтѣ люди, совершающіе зло охотно! Ни одинъ мудрый человѣкъ, я думаю, не считаетъ кого бы то ни было

---

*) Я нарочно не раздѣлилъ этихъ двухъ предложеній запятою, чтобы не предвосхищать смысла, придаваемого этому мѣсту Сократомъ и изъясненнаго имъ ниже.

охотно ошибающимся или охотно совершающимъ позорное и дурное. Всякій прекрасно знаетъ, что совершающіе позорное и дурное дѣлаютъ это не намѣренно. Такъ и Симонидъ хочетъ сказать не то, что онъ хвалить людей, охотно дѣлающихъ зло; слово *охотно* нужно отнести къ самому Симониду. Онъ такъ смотрѣлъ на вещи, что благовоспитанному человѣку часто приходится *принуждать* себя быть чѣмъ-нибудь другомъ и хвалителемъ, какъ и случается иногда по отношенію къ матери или отцу-чудаку, къ отчизнѣ или другому комунибудь въ этомъ родѣ. Злые люди въ подобныхъ случаяхъ какъ бы съ удовольствіемъ и сами смотрятъ, и другимъ указываютъ и жалуются на дурныя стороны родителей и отечества, и такъ какъ чувствуютъ къ нимъ пренебреженіе, то, не желая за это пренебреженіе подвергаться упрекамъ и гнѣву другихъ, еще больше стараются хулить своихъ и къ вынужденному недружелюбію еще присоединяютъ преднамѣренное. Не то бываетъ съ хорошими людьми. Послѣдніе скрываютъ все и *принуждаютъ* себя хвалить, а если обида со стороны родителей или отчизны выведетъ ихъ изъ терпѣнія, то они не только преодолеваютъ себя и примиряются съ обидою, но еще вдобавокъ заставляютъ себя любить своихъ и хвалить ихъ. Часто, я думаю, и самъ Симонидъ сознавалъ, что хвалить и превозносить своего властелина или кого-нибудь другого въ этомъ родѣ не съ удовольствіемъ, а послѣ борьбы съ собою. Вотъ это онъ и говоритъ Питтаку: Я, Питтакъ, не потому тебя хую, что падеешь до хулы;

*Доволенъ я и тѣмъ, кто не совсѣмъ плохъ
И не безпомощенъ въ дѣлахъ чрезмѣрно
И видитъ общины оплотъ въ законахъ;
Не бесполезенъ онъ, и не посмѣетъ
Его хулить, кто до хулы не падокъ.
Глушцовъ и такъ на свѣтъ много,*

и если бы кому и доставляло удовольствіе нападать на другихъ, то будетъ съ него этихъ глушцовъ.

... *И то ужъ хорошо,
Что не затемнено нечестнымъ.*

Этими словами онъ, конечно, вовсе не думаетъ сказать, что *все то было, что не затемнено чернымъ* (это была бы большая нелѣпость), *) а что достаточно ему и посредственности, чтобы не возбудить въ немъ хулы. „Не ищю я — говоритъ онъ — среди питающихся плодами широкозаселенной земли всецѣло безупречнаго человѣка, чтобы изъ-за него никого не хвалить; я доволенъ человѣкомъ посредственнымъ, лишь бы онъ не былъ нечестенъ. *Всякаго люблю и хвалю* (такъ какъ онъ обращается къ Питтаку, то и выражается Митилинскимъ нарѣчіемъ и употребляетъ форму ἐπαίνῃμι, а не ἐπαίνέω), *и притомъ хвалю охотно* (здѣсь, по слову охотно, а не *передъ* нимъ, нужно остановиться въ чтеніи), *лишь бы* — говоритъ — *не было нечестнаго поступка; а то есть и такіе, которыхъ приходится хвалить неохотно.* Тебя, Питтакъ, я тоже никогда не хулилъ бы, если бы ты говорилъ хоть немного подходящее и истинное. Въ настоящемъ же случаѣ ты ужъ очень нагаль о важнѣйшемъ дѣлѣ и думаешь, что говоришь истину; поэтому я и долженъ тебя порицать.“

„Вотъ какая мысль, Продикъ и Протагоръ, заключается по моему въ нашемъ стихотвореніи.“

На это отозвался Иппій: Хорошо, Сократъ, разъяснено стихотвореніе Симонида и тобою; но и я могъ бы вамъ на этотъ счетъ сказать превосходную рѣчь, если позволите.

„Да, Иппій, — вмѣшивается Алкивіадъ, — но только послѣ; а теперь хорошо было бы, какъ и согласились между собою Протагоръ и Сократъ, чтобы Протагоръ, если еще хочетъ, спрашивалъ, а Сократъ отвѣчалъ, или, если онъ согласенъ отвѣчать Сократу, чтобы спрашивалъ Сократъ.“

---

*) Да, нелѣпость: изъ того, что что-нибудь не затемнено чернымъ, не слѣдуетъ еще, что оно бѣло (оно можетъ быть и желтымъ и краснымъ и т. д.); также было бы нелѣпо говорить (близна здѣсь служить образнымъ выраженіемъ совершенства, а чернота — нечестнаго), что все, что не нечестно, есть совершенство.

— Предоставляю — говорю я — Протагору поступать, какъ ему угодно; но если онъ ничего не имѣетъ противъ, то бросимъ стихотворенія. Мнѣ очень хотѣлось бы довести до конца начатое нами раньше. Наша бесѣда о стихахъ очень напоминаетъ мнѣ увеселенія простыхъ и грубыхъ людей. Не находя, по невѣжеству, средствъ для препровожденія времени при вышивкѣ въ самихъ себѣ, въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ мысляхъ, они должны дорожить флейтистками, нанимая за большія деньги чужой языкъ, языкъ флейтъ, и этимъ языкомъ бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Но тамъ, гдѣ соберутся для препровожденія времени благовоспитанные и образованные люди, не удивимъ ни флейтистокъ, ни танцовщицъ, ни пѣвицъ, потому что сами они находятъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы обходиться безъ всякихъ этихъ глупостей, говорить своимъ *собственнымъ* языкомъ, произнося рѣчи и выслушивая ихъ, каждый по порядку, съ достоинствомъ, даже если бы выпили много вина. То же самое должно быть и въ серьезныхъ бесѣдахъ. У людей, за которыхъ большинство изъ насъ себя считаетъ, онѣ вовсе не нуждаются въ чужомъ языкѣ и поэтахъ, тѣмъ болѣе, что самихъ поэтовъ на лицо нѣтъ, а потому переспросить ихъ самихъ о томъ, о чемъ они говорятъ, нѣтъ возможности, а *ссылки* на нихъ почти всегда приводятъ къ толкованію ихъ одними такъ, другими иначе, стало быть — къ спору о дѣлѣ, котораго до ясности довести нельзя. А потому они лучше устраиваютъ себѣ бесѣды своими *собственными* силами, находя взаимную провѣрку въ своихъ *собственныхъ* мысляхъ. Мнѣ кажется, что мы съ тобою должны подражать именно имъ и, оставивъ въ сторонѣ поэтовъ, разсуждать собственными головами и *этимъ* путемъ провѣрять и истину, и самихъ себя. И если угодно тебѣ спрашивать, я говорю тебѣ отвѣчать; или же, если хочешь, предоставь *мнѣ* довести до конца то, на срединѣ чего я остановился.

Все это я изложилъ Протагору, но никакъ не могъ заставить его высказаться, что онъ намѣренъ дѣлать. Тогда Алкивиадъ, посмотрѣвъ на Каллія, сказалъ: „Что, Каллій? И теперь, по тво-

ему, хорошо поступаетъ Протагоръ, не желая высказаться, намѣренъ ли онъ продолжать бесѣду или нѣтъ. По моему это нехорошо. Пусть онъ или продолжаетъ бесѣду, или заявитъ, что не желаетъ этого, чтобы мы такъ и знали, и чтобы или Сократъ ель бесѣду съ кѣмъ-нибудь другимъ, или, вообще, кто съ кѣмъ хочеть“. Протагоръ, сконфуженный, какъ мнѣ показалось, этими словами Алкивіада и упрасиваемый и Калліемъ, и остальными присутствовавшими, чуть не всѣми, наконецъ согласился продолжать бесѣду и просилъ задавать ему вопросы, обѣщая, съ своей стороны, давать отвѣты.

Тогда я говорю ему: Протагоръ, ты не думай, что въ бесѣдѣ съ тобою я преслѣдую какую-нибудь другую цѣль, кромѣ той, чтобы обсудить вещи, приводяція меня самого въ недоумѣніе. Омиръ, я думаю, совершенно правъ, когда говоритъ:

*Дѣло рѣшая совмѣстно съ другими, и не ожидаешь,
Какъ тебѣ вдругъ—то, что мыслишь ты самъ, и товарищъ подкажетъ;*

и не такъ безпомощными чувствуютъ себя тогда люди въ своихъ мысляхъ, рѣшеніяхъ и дѣлахъ.

Самъ же съ собой какъ начнешь разсуждать...

то и ходишь и ищешь, передъ кѣмъ бы высказаться, съ чѣю бы помощью утвердиться въ мысли, пока таки не наткнешься на кого-нибудь. Такъ и я, именно изъ-за этого, радъ бесѣдовать съ тобою, и по преимуществу съ тобою, а не съ кѣмъ—нибудь другимъ. Ты, я думаю, лучше всякаго другого можешь разсуждать какъ вообще о дѣлѣ, подлежащемъ обсужденію людей образованныхъ, такъ и о доблести. Кому, въ самомъ дѣлѣ, обсуждать эти вещи, если не тебѣ? Начать съ того, что ты самъ на себя смотришь, какъ на человѣка просвѣщеннаго. Иной, пожалуй, и образованный человѣкъ, но другихъ просвѣтить не можетъ. А ты и самъ доблестенъ, и другого можешь сдѣлать доблестнымъ. Въ последнемъ отношеніи ты даже самъ чувствуешь себя сильнѣе, чѣмъ другіе и, въ то время какъ другіе прячутся съ своимъ искусствомъ, ты открыто заявляешь о себѣ передъ всѣми Эллинами, от-

крыто называешь себя софистомъ и объявляешь себя воспитателемъ и учителемъ доблести, первый считая возможнымъ брать за такое ученіе деньги. Какъ же послѣ этого не призывать *тебя* къ разсматриванію такихъ вещей, какъ не спрашивать *тебя*, не дѣлиться мыслями съ *тобою*? Нельзя иначе. И теперь я желалъ бы сперва еще разъ повторить съ тобою съ самаго начала все, что прежде спрашивалъ о нашемъ предметѣ, а потомъ и продолжать совмѣстно съ тобою разсматривать его.

„Вопросъ, помнится, состоялъ въ слѣдующемъ. Мудрость, благоразуміе, храбрость, непроступность и негрѣховность, — представляетъ ли все это пять различныхъ названій *одного* предмета, или каждое изъ этихъ названій выражаетъ собою особую суть, особую вещь съ особою функціею, различною отъ функціи другой вещи? Ты говорилъ тогда, что это названія не одного предмета, а каждое изъ нихъ имѣетъ предметомъ свою особую суть, и что все это — части доблести, не такія, какъ части золота, похожія другъ на друга и на свое цѣлое, а такія, какъ части лица, непохожія другъ на друга и имѣющія каждая свою функцію. Если ты и теперь держишься этого взгляда, то такъ и скажи; а если ты его перемѣнилъ, то разъясни, въ чемъ состоитъ эта перемѣна, и знай при этомъ, что говорить какъ-нибудь иначе, чѣмъ прежде, для тебя не должно быть стѣснительно: ничего страннаго я не находилъ бы, если ты прежде высказалъ другой взглядъ на дѣло просто изъ желанія испытать меня“.

— Да вотъ какъ я думаю, Сократъ, ва счетъ этого вопроса. Все поименованное представляетъ собою части доблести, изъ коихъ четыре *) какъ нельзя болѣе близки другъ къ другу, а храбрость стоитъ особо. Въ справедливости этого ты можешь убѣдиться изъ слѣдующаго: много ты найдешь людей, въ сильной

---

*) Значитъ, прежнее разсужденіе Сократа (стр. 36) довело таки Протагора до признанія тѣсной связи между непроступностью, негрѣховностью, благоразуміемъ и мудростью.

степени и преступныхъ, и грѣховныхъ, и взбалмошныхъ, и невѣжественныхъ, а между тѣмъ они очень храбры.

„Постой“, — говорю, — твои слова подлежатъ разсмотрѣнію. Подъ храбрими ты разумѣешь смѣлыхъ или кого-нибудь другого?“

— Смѣлыхъ и бросающихся на то, передъ чѣмъ большинство труситъ.

„А въ доблести — вообще ты видишь нѣчто прекрасное и, какъ нѣчто таковое, ты берешься преподавать ее другимъ?“

— Я буду безразсудный человѣкъ, если въ ней не буду находить нѣчто самое прекрасное.

„Въ такомъ ли смыслѣ она — нѣчто прекрасное, что одна ея часть прекрасна, а другая некрасива, или *вся* доблесть прекрасна?“

— Вся, конечно, прекрасна какъ нельзя болѣе.

„А знаешь ли ты, кто смѣло бросается въ колодцы?“

— Знаю: — водолазы.

„Потому ли, что они знатоки этого дѣла, или по чему — нибудь другому?“

— Потому, что знатоки.

„А кто смѣло сражается на конѣ? — конные или пѣшіе?“

— Конные.

„А кто смѣло сражается съ пельтою, *) пельтасты или не — пельтасты?“

— Пельтасты. Вообще можно сказать, если ты этого доби-
ваешься, что знатоки — смѣлѣе незнатоковъ, и сами они послѣ
изученія дѣла — смѣлѣе, чѣмъ до его изученія.

„А видѣлъ ли ты когда нибудь, чтобы люди, не знающіе
какого — нибудь дѣла, однако смѣло бросались на него?“

— Какъ-же, и очень смѣло бросались.

„А такіе смѣльчаки будутъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и храбре-
цами?“

---

*) Небольшой легкій щитъ.

— Тогда храбрость была бы нѣчто некрасивое. Такіе смѣльчаки — просто безумцы.

„Что же, однако, ты утверждалъ о храбрецахъ?—не то ли, что они—и смѣльчаки?“

— Я и теперь это утверждаю.

„Однако, если они смѣльчаки въ томъ смыслѣ, о которомъ мы только что заговорили, то они ужъ не храбрецы, а безумцы? Только *тогда*, значить, когда у человѣка есть *знаніе*,—только тогда его смѣлость будетъ храбростью, какъ говорено было раньше? Стало быть, въ *знаніи* и *мудрости* заключается храбрость?“

— Неправильно ты воспроизводишь мои положенія и отвѣты, Сократъ. Ты меня спросилъ, смѣлы ли храбрые. Я согласился. Но храбры ли смѣлые, такого вопроса не было. Если бы ты предложилъ его, то я сказалъ бы:—не всё. Чтобы храбрые не были смѣлы, какъ я утверждалъ, неправильности этого, положимъ, ты нигдѣ не доказалъ. Но потомъ ты сейчасъ объявляешь, что знатоки—смѣлые, чѣмъ сами они были, когда еще не знали дѣла, и чѣмъ всякій незнатокъ, и этого тебѣ достаточно для отождествленія храбрости и мудрости. При такомъ методѣ ты, пожалуй, и въ *силѣ* найдешь знаніе и мудрость. Идя по этому пути, ты сначала спросишь, могутъ ли сильные получить перевѣсъ надъ другими. Я скажу:—да. Потомъ ты спросишь: *умѣющіе* бороться — могутъ ли скорѣе получить перевѣсъ надъ другими, чѣмъ не умѣющіе, и чѣмъ сами они могли до изученія приемовъ борьбы. Когда я и на это отвѣчу утвердительно, то ты и скажешь, что по моимъ словамъ сила заключается въ *мудрости* и *знаніи*. А между тѣмъ, я и здѣсь нигдѣ не говорилъ, что могущіе получить перевѣсъ надъ другими—сильны, а только, что сильные могутъ получить перевѣсъ надъ другими. Не одно и то же — возможность получить перевѣсъ надъ другими и сила. Первое бываетъ результатомъ, конечно, и *знанія*, но кромѣ того и горячности, а то и безразсудства, а сила зависитъ отъ благосостоянія и природы тѣла. Точно также и тамъ, не одно и то же — смѣлость и храбрость.

Если всё храбрее — смѣлье, то изъ этого не слѣдуетъ, что всё смѣлье — храбры. Смѣлость зависитъ, конечно, и отъ знанія, но кромѣ того иногда и отъ горячности, и отъ безразсудства, а храбрость — отъ благосостоянія и природы души *).

„Вотъ что, Протагоръ: Скажешь ли ты, что нѣкоторые люди живутъ хорошо, а другіе — дурно?“

— Скажу.

„А хорошо ли по твоему будетъ житься тому, кто проводитъ жизнь среди непріятностей и страданій?“

— Нѣтъ.

„А про того, кто умретъ, проведя жизнь въ радости, не скажешь ли, что онъ хорошо пожилъ?“

— Да.

„Стало быть, въ радости жить — хорошо, а въ печали — дурно?“

— Да, если только человѣка радуетъ прекрасное.

„Что же это такое, Протагоръ? Ужъ не думаешь ли и ты, подобно массамъ, что нѣкоторыя радостныя вещи — дурны и, съ другой стороны, нѣкоторыя печальныя — хороши? Я именно разумѣю, по столько ли первыя бывають и дурными, по сколько онѣ радостны, а не то, что онѣ могутъ быть дурными по своимъ *послѣдствіямъ*, которыя, конечно, *очень* часто бывають не одинаковыхъ качествъ съ ихъ причинами. И точно также, съ другой стороны, печальное не слѣдуетъ ли считать дурнымъ изъ-за одного того, что оно печально?“

— Не знаю. Сократъ, такъ ли просто, какъ ты спрашиваешь, мнѣ и отвѣчать, что радостное непременно хорошо, а печальное непременно дурно. Не только теперешняя отвѣтственность

---

*) Это изложеніе Протагора должно было произвести на Сократа до известной степени такое же впечатлѣніе, какъ его изложеніе о благѣ и полезномъ (смот. стр. 38). Но теперь Сократъ находитъ лишнимъ заводить какіе-нибудь разговоры о томъ, что много наговорено, что онъ забывчивъ, а переходитъ прямо къ разсматриванію своего вопроса съ *новой* исходной точки.

за правильность моихъ словъ, вся моя жизнь заставляетъ меня указать, какъ на болѣе безошибочное, на то, что нѣкоторыхъ радостныхъ вещей нельзя назвать хорошими, равно какъ и, съ другой стороны, нѣкоторыхъ печальныхъ вещей нельзя назвать дурными; иныя вещи дѣйствительно бываютъ таковыми (т. е. хорошими, когда онѣ радостны, и дурными, когда онѣ печальны); есть, впрочемъ, и такія радостныя и печальныя вещи, что онѣ — ни то, ни другое, т. е. ни хороши, ни дурны.

„Подъ радостнымъ“ ты что разумѣешь? — не то ли, что *оставляетъ* радость?“

— Совершенно вѣрно.

„Такъ я и спрашиваю, по столько ли то или другое хорошо, по сколько оно радостно, т. е. я спрашиваю о самой *радости*, есть ли она нѣчто хорошее?“

— Давай, Сократъ, какъ ты всегда выражаешься, „разсмотримъ“ это дѣло, и если радостное и хорошее окажутся однимъ и тѣмъ же, то такъ и будемъ знать, а если нѣтъ, то и останемся при недоумѣннн.

„А руководить разсматриваніемъ вопроса будешь ты или я?“

— Тебѣ надлежитъ быть руководителемъ, такъ какъ ты и поставилъ вопросъ.

„Итакъ, вотъ какимъ приблизительно путемъ мы дойдемъ до истины. Напримѣръ, если бы пришлось по вѣшнему виду челоуѣка разсматривать вопросъ о здоровьѣ или какой-нибудь другой сторонѣ его тѣла, то врачи, освидѣтельствовавъ лице и руки, сказали бы: ну-ка, обнажи грудь и покажи спину, чтобы наше изслѣдованіе было точнѣе. Того же самаго хотѣлось бы мнѣ и по отношенію къ нашему вопросу. Узнавъ изъ разъясненнаго тобою твой взглядъ на радостное и хорошее, я долженъ сказать: А ну-ка, Протагоръ, обнажи мнѣ такую сторону твоего пониманія: какъ ты смотришь на знаніе? Видишь ли ты въ знаніи то-же, что и массы, или что-нибудь другое? Массы думаютъ, что знаніе не имѣетъ въ себѣ силы, способности руководить людьми и власти

надъ ними;—вѣрнѣе сказать, онѣ о такихъ качествахъ знанія вовсе не разсуждаютъ, и если зачастую у человѣка и окажется знаніе, то онѣ указываютъ, какъ на руководящее, не на него, а на что-нибудь другое: то на порывъ, то на радость или горе, иногда на пристрастіе, часто на страхъ...; знаніе же онѣ, не долго думая, принимаютъ за какого-то раба, которымъ *помыкаютъ* эта радость, горе и все прочее. Итакъ, смотришь ли и ты такъ на знаніе, или оно по твоему—нѣчто хорошее и пригодное къ тому, чтобы имѣть власть надъ человѣкомъ и, приведши его къ распознаванію хорошаго и дурнаго, не давать ему увлекаться, а заставить его дѣйствовать по его указанію и, такимъ образомъ, быть надежнымъ помощникомъ волѣ человѣка?“

— Я согласенъ съ послѣднимъ и долженъ тебѣ сказать, что если кому, то мнѣ стыдно было бы не назвать мудрость и знаніе самымъ могущественнымъ изъ человѣческихъ приобрѣтеній.

„Твои слова хороши и истинны. А знаешь ли ты, что массы намъ съ тобою не повѣрятъ. По ихъ мнѣнію, многіе, воплнѣ сознавая, что въ томъ или другомъ случаѣ лучше, не имѣютъ достаточно воли дѣлать это лучшее, хотя бы оно и было возможно для нихъ, а дѣлаютъ другое. И кого я ни спрашивалъ о причинѣ этого явленія, всегда мнѣ отвѣчали, что люди, поступая такъ, „поддаются“ радости, горю и т. д.“

— Да мало ли сколько неправильнаго говорятъ массы.

„Такъ давай, мы съ тобой попробуемъ разувѣрить ихъ и разъяснимъ имъ, что это собственно дѣлается съ ними, когда по ихъ пониманію онѣ поддаются радости и *по этому* не дѣлаютъ самаго лучшаго вопреки своему сознанію. Вѣроятно, если бы мы сказали: вы неправду говорите, люди, вы ошибаетесь,—они бы насъ спросили: Протагоръ и Сократъ! Если наше такое состояніе заключается не въ томъ, что мы поддаемся радости, такъ что собственно происходитъ въ насъ?—скажите намъ!“

— Что намъ, Сократъ, считается со взглядами массъ, которая, что взбредетъ на умъ, то и говорятъ.

„Нѣтъ; по моему это имѣетъ связь съ нашимъ вопросомъ о храбрости,—съ вопросомъ объ отношеніи храбрости къ другимъ частямъ доблести. Итакъ, если тебѣ угодно оставаться при нашемъ уговорѣ, то есть, чтобы я руководилъ бесѣдою, какъ найду болѣе полезнымъ для раскрытія дѣла, то слѣдуй за мною, а если нѣтъ, то, пожалуй, оставимъ это“.

— Хорошо; продолжай, какъ началъ.

„Итакъ, я опять о томъ же. Если бы насъ спросили: чѣмъ вы называете то, что мы назвали „поддаваться радости“,—я сталъ бы говорить съ ними такъ: Ну, слушайте! Мы съ Протагоромъ постараемся вамъ объяснить это. Вы, конечно, имѣете тутъ въ виду такіе напр. случаи, что вотъ, увлекаемые ѣдою, пьемъ, любовными наслажденіями, какъ пріятными, хотя и знаете, что это худо, тѣмъ не мѣнѣе предаетесь всему этому?—„Да именно такіе случаи“—скажутъ они. И не спросимъ ли мы ихъ опять такъ: „Дурнымъ вы это почему называете?—потому ли, что каждая изъ этихъ вещей доставляетъ пріятность и пріятна сама по себѣ, или потому, что все это влечетъ за собою болѣзни, бѣдность и прочее въ томъ же родѣ? А то, можетъ быть, вы назовете эти вещи дурными даже въ томъ случаѣ, если бы онѣ ничего подобнаго въ будущемъ не готовили, а только бы доставляли удовольствіе, какое бы это удовольствіе и въ какомъ бы смыслѣ оно пріятно ни было“. Получимъ ли мы, Протагоръ, другой какой-нибудь отвѣтъ, какъ не тотъ, что дурнымъ все это дѣлаютъ не удовольствія данной минуты, а послѣдствія, — болѣзни и проч.“

— Массы, думаю, дадутъ именно такой отвѣтъ.

„И не вызываетъ ли все это *печали*, причиняя болѣзни?—не вызываетъ ли оно *печали*, причиняя бѣдность? Они, полагаю, согласятся съ этимъ?“

— Согласятся.

„Итакъ, вы, люди, видите въ этомъ нѣчто дурное, какъ выразились бы мы съ Протагоромъ, не почему-либо другому, какъ

только потому, что оно *кончается* печалью и лишаетъ васъ другихъ удовольствій? Они дадутъ утвердительный отвѣтъ?“

Оба мы признали утвердительный отвѣтъ необходимымъ.

„И если бы мы ихъ опять наоборотъ спросили: Люди, вы, утверждая, что печальное бываетъ иногда и хорошимъ, не имѣете ли тутъ въ виду напр. гимнастическія упражненія, военные походы, врачеваніе черезъ выжиганіе, операціи, приниманіе лѣкарствъ, діеты?—не такія ли вещи по вашему, хотя и мучительны, но въ то-же время—хороши? Вѣроятно, они подтверждаютъ это?“

— Подтверждать.

„Потому ли вы это называете хорошимъ, что оно въ данную минуту причиняетъ невыносимыя боли и мученія, или потому, что оно въ будущемъ готовитъ здоровье, благосостояніе тѣла, благо государства, власть надъ другими, богатство? Я думаю, они согласятся съ послѣднимъ?“

Протагоръ былъ того же мнѣнія.

„Стало быть, все это — хорошо потому, что оно *кончается* радостью, *освобождаетъ* отъ печали и *отклоняетъ* послѣднюю? Или вы это называете хорошимъ съ какой-нибудь другой точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія радости и печали? Они сказали бы, вѣроятно, что нѣтъ“

— И мнѣ такъ кажется—говоритъ Протагоръ.

„Итакъ, вы *радости* ищете, какъ чего-то хорошаго, и отъ *печали* убѣгаете, какъ отъ чего-то дурнаго?“

Протагоръ нашелъ такое мое заключеніе правильнымъ.

„Стало быть, вотъ въ чемъ заключается дурное,—въ *печали*, и вотъ въ чемъ заключается хорошее,—въ *радости*. При этомъ самое ощущеніе удовольствія вы назовете дурнымъ тогда, когда оно лишаетъ васъ ббльшей радости, чѣмъ сколько само содержитъ въ себѣ, или готовитъ вамъ больше печали въ сравненіи съ радостью, доставляемою имъ самимъ? Впрочемъ, опять таки, если вы почему-либо другому называете самое ощущеніе удовольствія дурнымъ и съ какой-нибудь другой точки зрѣнія смотрите на дѣло, то скажите и намъ. Только врядъ ли вы найдете что сказать“.

— Не найдутъ—говорить Протагоръ.

„Дальше, относительно ощущенія страданія то же самое. Не тогда ли вы назовете самое ощущеніе страданія хорошимъ, когда оно освобождаетъ васъ отъ бѣльшей печали, чѣмъ сколько само въ себѣ заключаетъ, или готовитъ вамъ больше радости въ сравненіи съ тою печалью, которую само причиняетъ? Хотя, если вы имѣете какую-нибудь другую точку зрѣнія, съ которой вы называете самое ощущеніе страданія хорошимъ, то скажите; но только нѣтъ ея у васъ.

— Правда, правда—согласился Протагоръ.

„Затѣмъ,—говорю я,—если вы, люди, спросите, почему я такъ распространяюсь о всемъ этомъ, почему я это переворачиваю на всѣ стороны, то я отвѣчу: Простите меня; но, во-первыхъ, вообще нелегко выяснить то, что вы называете „поддаваться радости“; а затѣмъ, разъясняемое въ настоящее время есть основной пунктъ *всего* вопроса. Вы и теперь еще можете приостановить меня, если имѣете указать, какъ на хорошее, на что-нибудь другое, кромѣ радости, или выставить, какъ дурное, что нибудь другое, кромѣ печали. Или по вашему прожить въ радости и безъ печали исчерпываетъ собою все? Если исчерпываетъ, если хорошее и дурное въ концѣ концовъ только и заключается въ радости и печали, то слушайте дальше. Я утверждаю: Если сказанное правильно, то смѣшно будетъ говорить такъ: *человѣкъ, часто признавая то или другое дурнымъ, не смотря на возможность не дѣлать этого дурнаго, всетаки совершаетъ его, такъ какъ увлекается и сбивается съ прямого пути удовольствіями.* Смѣшно будетъ говорить и такъ: *человѣкъ, часто признавая то или другое хорошимъ, не имѣетъ воли совершать это хорошее изъ-за удовольствій данной минуты, такъ какъ эти послѣднія его осиливаютъ.*

„А что это смѣшно, вы уясните себѣ вотъ какимъ путемъ: Мы не будемъ употреблять въ нашемъ дальнѣйшемъ разсужденіи всѣ выраженія („радостное“, „хорошее“, „печальное“, „дурное“) заразъ; въ виду того, что здѣсь только *два* стороны дѣла, мы

примемъ въ разсужденіе *два* лишь выраженія, — или только выраженія „радостное“ и „печальное“, или выраженія „хорошее“ и „дурное“. Условившись такъ, мы теперь съ вами скажемъ: *Человѣкъ, признавая то или другое дурнымъ, всетаки совершаетъ это дурное*; а если насъ спросятъ: почему? — то мы скажемъ: *потому что поддается*; чему? — спросятъ насъ; и намъ уже нельзя отвѣчать: „радости“; у насъ другое выраженіе заняло мѣсто выраженія „радостное“, именно выраженіе „хорошее“. Итакъ, давайте отвѣтимъ: *потому что поддается*; чему? — спросятъ насъ; *хорошему* — отвѣтимъ, — ей ей! А если лицомъ, спрашивающимъ насъ, окажется какой-нибудь насмѣшникъ, то онъ расхохочется и скажетъ: Однако, вы рассказываете смѣшныя вещи, если люди совершаютъ *дурное, сознавая*, что оно дурно, и *не имѣя* нужды совершать его, потому будто, что поддаются *хорошему*. „И какому это хорошему — скажетъ придиричивый — они поддаются? — хорошему, имѣющему въ себѣ столько цѣны въ сравненіи съ дурнымъ, чтобы заглушить въ насъ тяжесть послѣдняго, или не имѣющему?“ Мы отвѣтимъ, понятно, — не имѣющему; если бы — скажемъ мы — хорошее имѣло въ себѣ такую цѣну въ сравненіи съ дурнымъ, то „поддаваться радости“ (т. е. этому хорошему) нельзя бы назвать ошибкою. „Въ чемъ же, однако, — спроситъ насмѣшникъ, — выражается несоотвѣтствіе цѣны, или стоимости чего нибудь одного въ сравненіи съ другимъ? Не въ томъ ли, что или по степени одно больше, а другое меньше, или по количеству одного больше, а другого меньше?“ Мы едвали съумѣемъ указать на что-нибудь другое, кромѣ этого. „Ясно, стало быть, — скажетъ издѣвающійся, — что ваше „поддаваться“ въ данномъ случаѣ значитъ взять ради меньшаго добра бѣльшее зло.“

„Итакъ, на счетъ этого мы кончили. А теперь, давайте, подставимъ тамъ же выраженія „радостное“ и „печальное“ и скажемъ: *Человѣкъ совершаетъ... тогда мы говорили: „дурное“, а теперь скажемъ... печальное, сознавая, что оно печально, потому что поддается радостному, очевидно, не имѣющему въ себѣ*

столько цѣны, чтобы заглушить въ насъ тяжесть печальнаго. И въ какомъ опять смыслѣ можно говорить о цѣнѣ, или стоимости радости въ сравненіи съ печалью, какъ не въ смыслѣ излишка или недостачи одного въ сравненіи съ другимъ? А это значить, что—или одно меньше, а другое больше, или одного чего-либо меньше, а другого больше, или чувствуется не столько одно, сколько *скорѣе* другое. А если скажутъ: да, Сократъ, большая разница между радостнымъ въ данную минуту и между радостнымъ и печальнымъ, имѣющими быть еще только въ будущемъ, тогда я отвѣчу: Ужъ не другого ли чего эта разница касается, кромѣ какъ той же радости и печали?—вѣдь нѣтъ ничего другого, чего бы она касалась. А вы, какъ хорошіе вѣсовщики, сложите въ одно все радостное, сложите въ одно все печальное, ваше „въ данную минуту“ и „въ будущемъ“ переведите на коромысло *) и смотрите, что чѣмъ перевѣшивается. Случаи тутъ могутъ быть разные. Или вы взвѣшиваете радостное съ радостнымъ; тогда нужно брать то, что больше и чего больше. Или на обѣихъ чашкахъ находится печальное; тогда нужно брать то, что меньше и чего меньше. Наконецъ, на одной чашкѣ находится радостное, а на другой печальное; тогда перевѣсъ можетъ оказаться или на сторонѣ радостнаго (близкаго ли, отдаленнаго ли), и вамъ придется *руководиться* въ вашихъ дѣйствіяхъ этимъ перевѣсомъ; или онъ окажется на сторонѣ печальнаго, и вамъ придется *отклонить* его отъ себя. Не такъ ли, люди?—Я увѣренъ, что возраженія не послѣдуетъ.

И Протагоръ былъ такого мнѣнія.

„Когда это такъ, то—скажу я—отвѣтите мнѣ на слѣдующее. Кажется ли вамъ на глазомѣръ одинаковое по высотѣ вблизи ббльшимъ, а вдали меньшимъ, или нѣтъ? „Да“—скажутъ.—И широкое и прочее въ этомъ родѣ тоже такъ?—и звуки одинаково

---

*) Одно плечо коромысла представляло бы собою „близкое“, а другое— „отдаленное“.

сильные — вблизи болѣе громкими, а вдали болѣе тихими? „Да“ — отвѣтятъ. — Итакъ, если бы наше благополучіе заключалось въ предпочтеніи вещей болѣе большихъ размѣровъ и въ отклоненіи отъ себя вещей малыхъ размѣровъ, то что тогда оказалось бы спасительнымъ для нашей жизни, — наука ли объ измѣреніи, иначе говори, метретика, или непосредственное впечатлѣніе на наши чувства самихъ вещей? Не вводило ли бы насъ послѣднее въ заблужденіе, и не вело ли бы оно насъ то къ преувеличенію, то къ умаленію того, что въ сущности въ томъ и другомъ случаѣ одно и то же? Не пришлось ли бы намъ изъ-за этого часто раскаяваться въ выборѣ вещей, выгодныхъ въ однихъ случаяхъ при меньшемъ —, а въ другихъ — при болѣе объемѣ, въ то время какъ *метретика* уничтожала бы волюнѣ ошибочность внѣшняго впечатлѣнія и, обнаруживая истину и давая нашему уму надежную опору, не позволяла бы ему колебаться и спасала бы, такимъ образомъ, нашу жизнь? — Согласятся ли люди съ тѣмъ, что метретика тогда спасала бы насъ, или укажутъ на что-нибудь другое?“

— Согласятся — говорить Протагоръ.

„А если бы спасеніе нашей жизни зависѣло отъ выбора какихъ-нибудь вещей по ихъ *численности*, въ томъ смыслѣ, что въ однихъ случаяхъ правильнѣе было бы выбрать болѣе —, а въ другихъ — меньше чего-нибудь одного въ сравненіи съ чѣмъ-нибудь другимъ, — будетъ ли оно близко, или въ отдаленіи, — то что тогда спасало бы нашу жизнь? Не знаніе ли? И не метретикою ли опять какою-то было бы это знаніе, по скольку оно касалось бы вопроса объ излишкѣ или недостаткѣ вообще, а такъ какъ въ частности оно имѣло бы дѣло съ *численностью*, то была ли бы это какая-нибудь другая наука, кромѣ науки о счисленіи или *арифметики*? Согласятся ли съ нами люди или нѣтъ?“

— Согласятся — говорить Протагоръ.

„Въ нашемъ же разсужденіи оказалось, что спасеніе нашей жизни зависитъ отъ правильнаго выбора между печалью и радостью, отъ правильнаго выбора между болѣе или мѣншимъ

по количеству или степени, отъ выбора между болѣе отдаленнымъ и болѣе близкимъ. Не есть ли это тоже какое-то „измѣреніе“, заключающееся въ разсматриваніи или излишка, или недостачи, или равенства радости по отношенію къ печали? Конечно, есть. А разъ это—измѣреніе, то, значить,—и знаніе и наука“.

— И съ этимъ люди согласятся—говорить Протагоръ.

„Какая это въ частности наука—гсворю я—и какое знаніе, мы рассмотримъ въ другой разъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что это *есть* знаніе, и этого убѣжденія совершенно достаточно для отвѣта, требуемаго вами отъ насъ съ Протагоромъ на вашъ вопросъ. А вопросъ, если помните, былъ такой: Когда мы съ Протагоромъ признали, что нѣтъ ничего могущественнѣе знанія, и что именно знаніе, гдѣ бы оно ни появлялось, забираетъ власть и надъ радостью и всѣмъ прочимъ, то вы возразили, что радость часто бываетъ сильнѣе самого знанія. А когда мы не соглашались съ вами, то вы и поставили вопросъ: Протагоръ и Сократъ! Если въ насъ нѣтъ такого состоянія, что мы „поддаемся радости“, то что это собственно происходитъ съ нами?—скажите намъ! И если бы мы тогда сейчасъ отвѣтили, что правильное названіе этому вашему состоянію есть „невѣжество“, то вы бы посмѣялись надъ нами. А теперь, если посмѣетесь надъ нами, то посмѣетесь сами надъ собою;—посмѣетесь потому, что вы же сами согласились, что ошибки въ выборѣ радостнаго и печальнаго (оно же—хорошее и дурное) происходятъ отъ недостатка знанія;—и не просто—знанія: вы пошли еще дальше и сказали,—отъ недостатка измѣренія; а ошибаться вслѣдствіе недостатка познаній, сами согласитесь, называется ошибаться по *невѣжеству*. Вотъ оно, настоящее названіе вашего „поддаваться радости“,—*невѣжество*, и притомъ *величайшее*! Отъ этого невѣжества и излѣчиваютъ, какъ они сами о томъ объявляютъ, Протагоръ, Продикъ и Иппій. А вы, думая, что это чтонибудь другое, а не невѣжество, ни сами не идете, ни дѣтей не посылаете къ исправителямъ этого, вотъ къ этимъ софистамъ, какъ будто это вовсе

не дѣло ученія. Такимъ образомъ, вы, пряча деньги и не отдавая ихъ софистамъ, поступаете худо по отношенію и къ личнымъ, и къ общественнымъ интересамъ.

„Вотъ что отвѣтили бы мы массамъ. Васъ же мы съ Протагоромъ спрашиваемъ, васъ Иппій и Продикъ, — намъ желательно привлечь и васъ къ участию въ нашемъ разсужденіи, — сказанное, по вашему, правда или ложь?“

Всѣ съ рѣшительностью заявили, что правда.

„Стало быть, — говорю я, — вы соглашаетесь, что радостное есть нѣчто хорошее и благое, а печальное — нѣчто дурное? Ужъ я подборъ выраженій предоставляю Продикъ, — будетъ ли это по твоему „пріятное“ или „радостное“ или „сладостное“, — однимъ словомъ, какое тебѣ угодно употребить выраженіе, добрѣйшій Продикъ, такое и употреби въ отвѣтъ на мой вопросъ“.

А Продикъ, засмѣявшись, согласился со мною, и всѣ остальные тоже.

„А какъ же, мужи, на счетъ самихъ дѣйствій, направленныхъ къ радостной и безпечальной жизни? Не прекрасны ли они *всѣ*? А прекрасное дѣйствіе не есть ли также благо и полезно? Они согласились.

„Если, стало быть, радостное вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто хорошее и благое, то нельзя себѣ представить, чтобы кто-нибудь, зная или полагая въ другомъ, возможномъ для него, дѣлѣ больше блага, чѣмъ въ задумываемомъ имъ, всетаки, вопреки этой возможности дѣлать большее благо, не направлялъ бы и своего дѣйствія къ нему. Ибо „поддаваться“ значитъ уже быть незнающимъ и невѣжественнымъ, между тѣмъ какъ знающій и мудрый „поддаваться“ не будетъ. Не такъ ли“?

— Такъ.

„Быть незнающимъ и невѣжественнымъ, конечно, значитъ въ данномъ случаѣ имѣть ложное представленіе о *самыхъ дорожныхъ* для насъ дѣлахъ, такъ“?

— Такъ.

„Теперь опять на счетъ зла то же самое. Никто не принимается за дурное или за то, что онъ считаетъ дурнымъ, и не свойственно, повидимому, природѣ человѣка, чтобы онъ захотѣлъ бросаться вмѣсто блага на то, въ чемъ онъ видитъ зло; а когда изъ двухъ золъ приходится выбирать одно, то никто вѣдь не беретъ ббльшаго, когда можно избрать меньшее?“

Со всѣмъ этимъ согласились всѣ.

„А теперь вотъ что. Называете ли вы чтонибудь опасеніемъ и боязнью? И назовете ли этими словами то же, что и я? Обращаюсь, Продикъ, къ тебѣ. Я разумѣю подъ этими словами ожиданіе какого-нибудь зла, опасеніе ли это будетъ по вашему или боязнь“.

Протагоръ и Иппій назвали это опасеніемъ и боязнью, а Продикъ опасеніемъ, но не боязнью.

„Ну да, это, Продикъ, все равно; но вотъ что. Если сказанное раньше истинно, то захочетъ ли человѣкъ предпринимать что-нибудь, внушающее ему опасеніе, когда онъ можетъ дѣлать другое, не испытывая этого чувства, или это—скажемъ мы—немыслимо въ виду только что признаннаго нами? А признано нами, во-первыхъ, что опасаться значитъ предвидѣть въ чемъ-нибудь зло, а во-вторыхъ, что зла никто намѣренно не предпринимаетъ и не избираетъ“.

И съ этимъ согласились всѣ.

„Разъ дошли мы до этого положенія (это я сказалъ, обращаясь къ Иппію и Продику), то пусть Протагоръ отвѣтитъ, на сколько правильно его первоначальное положеніе. Я разумѣю не самое первоначальное. Съ самаго начала онъ утверждалъ, что при существованіи пяти частей доблести ни одна не походитъ на другую, и что каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую функцію. Но не это я теперь разумѣю, а то, что онъ сказалъ послѣ. А послѣ онъ сказалъ: Четыре изъ частей доблести какъ нельзя болѣе близки другъ къ другу, а пятая, храбрость, стоитъ особо. Признакъ,—говорилъ онъ,—которымъ въ данномъ случаѣ можно

руководиться, заключается въ слѣдующемъ: ты найдешь, — сказалъ онъ мнѣ — много людей въ большой степени и грѣховныхъ, и преступныхъ, и взбалмошныхъ, и невѣжественныхъ, а между тѣмъ они очень храбры; изъ чего и слѣдуетъ, что храбрость совершенно отлична отъ остальныхъ частей доблести. — Меня это утвержденіе еще тогда удивило, а послѣ дальнѣйшихъ разсужденій оно мнѣ показалось еще болѣе страннымъ. Я спросилъ Протагора, разумѣетъ ли онъ подъ храбрыми смѣлыхъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: — не только смѣлыхъ въ душѣ, но прямо бросающихся на дѣла. Помнишь, Протагоръ, этотъ отвѣтъ?“

— Помню.

„Теперь, — говорю я, — на какія дѣла по твоему бросаются храбрые? — на такія ли самыя, какъ и трусы?“

— Нѣтъ.

„А на другія?“

— Да.

„Быть можетъ, по твоему, трусы берутся только за неопасныя дѣла, значить, за такія, которыя внушаютъ *смѣлость*, а храбрые за дѣла, *противоположныя* первымъ?“

— Такъ, Сократъ, утверждаютъ массы.

„Хорошо; но не о массахъ я спрашиваю, а на что *по твоему* бросаются храбрые? — на внушающее имъ „опасеніе“ т. е. на то, что *известно* имъ, какъ „опасное“ (= кроющее въ себѣ зло), или на то, что неопасно?“

— Да вѣдь бросаться на „опасное“ выяснилось изъ твоихъ разсужденій, какъ невысказанное.

„И это — говорю — вѣрно. Итакъ, если наши разсужденія правильны, то *никто*, находя что либо „опаснымъ“, не пойдетъ на это „опасное“, такъ какъ это значило бы „поддаваться“, слѣдовательно, какъ сказано раньше, быть невѣжественнымъ?“

Онъ согласился.

„Тогда, стало быть, только за „неопасное“ и внушающее смѣлость берутся опять таки ужъ всё, Протагоръ,—не только трусы, но, оказывается, и храбрые, и въ этомъ смыслѣ и трусь, и храбрый берутся за одно и то же?“

— Все же, Сократъ, —говорить Протагоръ,—то, за что берется трусь, совершенно противоположно тому, за что берется храбрый. Хотя бы сейчасъ на войну—одинъ идетъ охотно, а другой нѣтъ.

„То есть какъ на войну?—на войну, какъ нѣчто прекрасное или, какъ нѣчто некрасивое и позорное?“

— Какъ нѣчто прекрасное.

„А если она нѣчто прекрасное, то, значить, и нѣчто благое, какъ мы раньше видѣли; мы вѣдь утверждали, что прекрасныя дѣйствія вмѣстѣ съ тѣмъ и благія“.

— Правду ты говоришь, и я всегда держусь такого мнѣнія.

„Хорошо; а который изъ нашихъ типовъ по твоему неохотно идетъ на войну, признанную нами за нѣчто прекрасное и благое?“

— Трусь.

„А если она нѣчто прекрасное и благое, то, значить, и нѣчто „радостное?“

— Это нами признано.

„А знаетъ ли объ этомъ трусь, что она прекрасна, блага и радостна, и потому не идетъ на войну?“

— Если мы это признаемъ, тогда мы разрушимъ наше прежнее положеніе. *)

„А храбрый идетъ на это прекрасное, благое и радостное?“

— Непремѣнно.

„И, вообще, смѣлость его не некрасива, да и боязнь, когда она съ нимъ случится, не позорна, такъ?“

— Такъ.

---

*) Т. е. положеніе, по которому всякій, признающій что нибудь за благо, съ охотой дѣлаетъ это благо.

„А если не некрасива, то не прекрасна ли *)?“

— Да.

„А если прекрасна, то не блага ли?“

— Да.

„Боязнь же труса, наоборотъ, все равно какъ и — безумца и безразсуднаго, будетъ некрасивою, да и смѣлость его тоже?“

— Да.

„И выходитъ она некрасивою, а слѣдовательно и неблагою, не по иному чему, какъ по невѣжеству и незнацію? **).“

— Да, это такъ.

„Теперь, вотъ что. То, отъ чего трусливы трусы, ты назовешь трусостью или храбростью?“

— Трусостью.

„А трусливыми они оказались отъ *незнанія* истиннаго опаснаго (кроющаго въ себѣ зло) и „неопаснаго (кроющаго въ себѣ благо)?“

— Да.

„Именно отъ незнанія *этого* они трусливы?“

— Да.

„А съ другой стороны, то, отъ чего они трусливы, мы называли *трусостью*?“

— Да.

„Такимъ образомъ трусость будетъ *незнаніе* „опаснаго“ и неопаснаго?“

На это онъ кивнулъ головой.

„И трусость — не составляетъ ли *противоположность* по отношенію къ храбрости?“

— Составляетъ.

„Съ другой стороны, *противоположность* по отношенію къ

*) Всякое дѣйствіе, направленное къ благу,—говорилъ раньше Сократъ,—прекрасно. А такъ какъ война—благо, то смѣлость, съ какою идемъ на войну, прекрасна.

**) Т. е. по непониманію истинно-прекраснаго, благаго и радостнаго.

незнанію „опаснаго“ и „неопаснаго“ составляет *пониманіе* этихъ вещей?“

И на это онъ еще кивнулъ головой.

„Незнаніе же ихъ есть *трусость*?“

Очень ему не хотѣлось, но кивнулъ таки головой.

„Стало быть, *пониманіе* „опаснаго“ и „неопаснаго“, какъ противоположность незнанію этихъ вещей, есть храбрость?“

Тутъ онъ ужъ и головой не киваль и молчалъ.

А я говорю: Что же ты, Протагоръ, не отвѣчаешь на мой вопросъ ни да, ни нѣтъ?

— Самъ — говорить — кончай.

„Одно — говорю — спрошу еще тебя: Держишься ли ты до сихъ поръ своего прежняго взгляда, что есть люди весьма невѣжественные и въ то же время храбрые?“

— Слишкомъ ужъ, Сократъ, беретъ тебя нетерпѣніе, чтобы я непременно отвѣчалъ. Ну, сдѣлаю тебѣ удовольствіе и скажу, что признанное нами дѣлаетъ такой взглядъ несостоятельнымъ.

Тогда я сказалъ: Я не изъ-за чего-либо другого спрашивалъ обо всемъ этомъ, какъ только изъ желанія разсмотрѣть, какъ дѣло обстоитъ на счетъ доблести, а главное, что такое она сама, эта доблесть. Да; если послѣднее будетъ раскрыто, тогда лучше всего выяснится и то, что дало поводъ тебѣ и мнѣ къ столь продолжительной бесѣдѣ — мнѣ, полагавшему *), что доблести не учать, а тебѣ, утверждавшему, что учать. И я вижу въ только что полученномъ результатѣ нашей бесѣды какъ — бы нашего обвинителя и насмѣшника. И если бы этотъ результатъ могъ заговорить, то онъ сказалъ бы: „Чудаки вы, Сократъ и Протагоръ! Ты, который прежде полагалъ, что доблести нельзя научить, подъ конецъ рвался доказать совершенно противоположное, что все знаніе, — и непреступность, и благоразуміе, и храбрость, — а это какъ нельзя больше указываетъ на доблесть, какъ

---

*) На дѣлѣ, конечно, онъ не „полагалъ“; онъ долженъ былъ „полагать“ только для систематичности и правильности веденія бесѣды.

на дѣло ученія. Только въ томъ случаѣ, если бы она не была знаніемъ, какъ думалось Протагору, — только въ этомъ случаѣ, Сократъ, можно бы утверждать, что ее преподавать нельзя. Протагоръ, опять, сначала положивши, что доблести научить можно, подъ конецъ готовъ былъ видѣть въ ней что угодно, только не знаніе; въ такомъ случаѣ она, понятно, менѣе всего была бы предметомъ ученія“ — Я, Протагоръ, находя все теперь сильно перепутаннымъ, очень желалъ бы *распутать* дѣло. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы нашими разсужденіями добрались до самаго опредѣленія доблести, а затѣмъ снова разсмотрѣли, есть ли доблестъ дѣло ученія или нѣтъ. Только бы не сбивалъ и не обманывалъ и насъ постоянно при нашемъ изслѣдованіи твой Эпимиеей, какъ онъ забылъ о людяхъ, какъ ты разсказывалъ, при распредѣленіи способностей. Мнѣ въ твоемъ миѣ Промиеей понравился гораздо больше, чѣмъ Эпимиеей. Я всегда держусь *Промиею*, и именно изъ желанія быть *προμηδης* (т. е. предусмотрительнымъ) относительно *всей* моей жизни я и хлопочу о всѣхъ этихъ вопросахъ, и если бы у тебя была охота, то я, какъ и сначала говорилъ, съ большимъ бы удовольствіемъ бесѣдовалъ о нихъ съ тобою.

На это Протагоръ отвѣтилъ: Я Сократъ, хвалю твое усердіе и твою способность углубляться въ дѣло. Я вообще не считаю себя злымъ человѣкомъ, а менѣе всего завистливымъ. Многимъ я уже говорилъ, что не могу не восхищаться тобою больше всѣхъ, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло, и подавно больше, чѣмъ твоими сверстниками. Я могу сказать, что не удивлюсь, если ты сдѣлаешься *світломъ* мудрости *). А о нашемъ вопросѣ, если пожелаешь, поговоримъ въ другой разъ; теперь пора и за другое взяться.

„Да, — говорю, — такъ и нужно сдѣлать, если прикажешь. И мнѣ давно пора, какъ я уже говорилъ, уйдти; я оставался здѣсь только изъ угожденія нашему милому Каллію“.

Такъ побесѣдовавъ, мы разошлись.

---

*) Въ этихъ словахъ слышится, конечно, больше голосъ самого Платона, ученика Сократа, чѣмъ Протагора.

